

Лабиринт

Журнал социально-гуманитарных исследований

#5/6_2015

ISSN 2225-5060

Редакция

Тимофеев М. Ю. (д-р филос. наук) - главный редактор
Докучаев Д. С. (канд. филос. наук)
Докучаева Н. А. (канд. ист. наук)

Редакционный совет

де Лазари А. (д-р филол. наук) Лодзь, Польша
Крылов М. П. (д-р геогр. наук) Москва, Россия
Лейбович О. Л. (д-р ист. наук) Пермь, Россия
Литовская М. А. (д-р филол. наук) Екатеринбург, Россия
Радич Н. (д-р филос. наук) Белград, Сербия
Рябов О. В. (д-р филос. наук) Иваново, Россия
Рябова Т. Б. (д-р соц. наук) Иваново, Россия
Савкина И. Л. (д-р философии) Тампере, Финляндия
Шукин В. Г. (д-р филол. наук) Краков, Польша
Ховард Д. (PhD) Сэнт Эндриус, Великобритания

ISSN 2225-5060

Издатель: Докучаева Наталья Александровна
Адрес издательства:
153005, Россия, г. Иваново, улица Шошина 13-56
Адрес электронной почты редакции:
editor@journal-labirint.com

Редакционная коллегия

Балдин К. Е. (д-р ист. наук) Иваново, Россия
Замятин Д.Н. (канд. геогр. наук, д-р культурологии) Москва, Россия
Зобнин А.В. (канд. ист. наук) Иваново, Россия
Игнатьева О.В. (канд. ист. наук) Пермь, Россия
Карпенко О. В. Санкт-Петербург, Россия
Круглова Т. А. (д-р филос. наук) Екатеринбург, Россия
Лысенко О. В. (канд. соц. наук) Пермь, Россия
Лысикова О.В. (д-р соц. наук) Саратов, Россия
Маслов Д.В. (канд. экон. наук) Иваново, Россия
Манаков А. Г. (д-р геогр. наук) Псков, Россия
Оляшек Б. (д-р филол. наук) Лодзь, Польша
Подвинцев О.Б. (д-р полит. наук) Пермь, Россия
Тюленев В. М. (д-р ист. наук) Иваново, Россия
Хархун В. П. (д-р филол. наук) Киев / Нежин, Украина
Шабурова О.В. (канд. филос. наук) Москва, Россия
Янковская Г. А. (д-р ист. наук) Пермь, Россия
Яцык А. В. (канд. соц. наук) Казань, Россия

Электронная копия сетевого научного издания

«Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований» размещена на сайтах:
www.elibrary.ru, www.ceeol.com, www.indexcopernicus.com, www.journal-labirint.com

Editorial Team

Mikhail Timofeev (Ivanovo, Russia), Doctor of Philosophical Sciences, Editor-in-Chief
Denis Dokuchaev (Ivanovo, Russia), PhD in Philosophical Sciences
Natalya Dokuchaeva (Ivanovo, Russia), PhD in Historical Sciences

Editorial Council

De Lazari Andrzej (Łódź, Poland), Doctor of Philological Sciences

Mikhail Krylov (Moscow, Russia), Doctor of Geographical Sciences

Oleg Leybovitch (Perm, Russia), Doctor of Historical Sciences

Maria Litovskaya (Yekaterinburg, Russia), Doctor of Philological Sciences

Nenad Radić (Belgrade, Serbia), Doctor of Philosophy

Oleg Ryabov (Ivanovo, Russia), Doctor of Philosophical Sciences

Tatyana Ryabova (Ivanovo, Russia), Doctor of Sociological Sciences

Irina Savkina (Tampere, Finland), Doctor of Philosophy

Vasiliy Shchukin (Krakow, Poland), Doctor of Philological Sciences

Jeremy C. Howard (St Andrews, UK), PhD, Art History

ISSN 2225-5060

Publisher: Natalya Dokuchaeva

Postal address:

153005, Russia, Ivanovo, ul. Shoshina, 13-56

Electronic address for editorial correspondence:

editor@journal-labirint.com

The electronic version of
Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences is stored on the websites:

www.elibrary.ru, www.ceeol.com, www.
indexcopernicus.com, www.journal-labirint.com

Editorial Board

Kirill Baldin (Ivanovo, Russia), Doctor of Historical Sciences

Dmitrii Zamyatin (Moscow, Russia), Doctor of Culturology

Aleksey Zobnin (Ivanovo, Russia), PhD in Historical Sciences

Oksana Ignatyeva (Perm, Russia), PhD in Historical Sciences

Oksana Karpenko (St. Petersburg, Russia), Master of Sociology

Tatyana Kruglova (Yekaterinburg, Russia), Doctor of Philosophical Sciences

Oleg Lysenko (Perm, Russia), PhD in Sociological Sciences

Olga Lysikova (Saratov, Russia), Doctor of Sociological Sciences

Andrey Manakov (Pskov, Russia), Doctor of Geographical Sciences

Dmitriy Maslov (Kazan, Russia), PhD in Economical Sciences

Barbara Olaszek (Łódź, Poland), Doctor of Philological Sciences

Oleg Podvintsev (Perm, Russia), Doctor of Political Sciences

Vladimir Tulenev (Ivanovo, Russia), Doctor of Historical Sciences

Valentina Kharkhun (Kyiv, Ukraine), Doctor of Philological Sciences

Olga Shaburova (Yekaterinburg, Russia), PhD in Philosophical Sciences

Galina Yankovskaya (Perm, Russia), Doctor of Historical Sciences

Aleksandra Yatsyk (Kazan, Russia), PhD in Sociological Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

МУЗЕИФИКАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Ю.А. Кузовенкова

Парадигмы музеефикации индустриального наследия 6

К.Е. Балдин

Перспективы музеефикации фабричного поселка эпохи промышленного
переворота в России 17

В.А. Березина

В поисках метода: экскурсии на промышленные объекты Петрограда-
Ленинграда в 1920-е годы 24

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

К.М. Товбин

Религиозная сторона сахалинской ментальности 31

Ж. Л. Океанская, В. П. Океанский

Метафизика туризма: туризм как способ десакрализации мира 38

М.В. Зотова, А.Б. Себенцов

Закарпатская область: практика приграничного сотрудничества на
восточном пограничье ЕС 42

СОВЕТСКОЕ, СЛИШКОМ СОВЕТСКОЕ: РЕЛИКТЫ И СИМУЛЯКРЫ

В. П. Васильева

Образ советского чиновника в сатирических мультфильмах эпохи
«оттепели» 56

КАФЕДРА

Д. Н. Замятин

Путешествие: пространство, образ, реальность 64

CONTENTS

MUSEUMIFICATION OF INDUSTRIAL HERITAGE

Yu.A. Kuzovenkova
“Paradigm Shift” in Museumification of Industrial Heritage6

K.E. Baldin
Prospects of Museumification of a Factory Village of the Period of the Russian Industrial Revolution17

V.A. Berezina
In Search of a Method: Excursions into Industrial Facilities of Petrograd-Leningrad in the 1920s.24

LOCAL DISCOURSE AND TERRITORIAL IMAGE CONSTRUCTION

K.M. Tovbin
Religious Aspect of Sakhalin Mentality31

M. Zotova, A. Sebentsov
Transcarpathian Region: Cross-Border Cooperation at the Eastern Margins of the European Union42

SOVIET, TOO SOVIET: RELICTS AND SIMULACRA

V. P. Vasilyeva
The Image of a Soviet Bureaucrat in Satirical Cartoons of the Khrushchev Thaw Period56

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Ю.А. Кузовенкова

Кузовенкова Юлия Александровна (Самара, Россия) — кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета; Email: mirta-80@mail.ru.

ПАРАДИГМЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье анализируются особенности функционирования отечественных музеев индустриального наследия на различных исторических этапах (последняя треть XX — начало XXI вв.). Обращение к опыту европейских стран в этой области позволяет объяснить возникновение новых целей музеефикации и новой парадигмы на рубеже веков. Выделяются две парадигмы — парадигма «сохранение» и парадигма «развитие». Первая парадигма возникает в рамках советской культуры и направлена на сохранение памяти о конкретном производстве — его истории, особенностях производственного процесса и архитектурного наследия. Вторая тесно связана с городским маркетингом и направлена на развитие территории (города, региона). Она возникает в европейских странах и заимствуется отечественными городскими практиками в начале XXI века. В ее рамках музеефикация индустриального объекта преследует отличные от первой парадигмы цели — она направлена на повышение выразительности и гуманизацию городской среды, создание креативных пространств и формирование «человеческого капитала».

Ключевые слова: музеефикация, индустриальное наследие, парадигма, креативные практики, человеческий капитал, городской маркетинг.

Yu.A. Kuzovenkova

Yuliya Alexandrovna Kuzovenkova (Samara, Russia) — PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the Chair of Philosophy and Cultural Studies of Samara State Medical University; Email: mirta-80@mail.ru

“PARADIGM SHIFT” IN MUSEUMIFICATION OF INDUSTRIAL HERITAGE

The article analyzes the peculiarities of functioning of national museums of industrial heritage in various periods of history (the late 20th – the early 21st centuries). Appeal to the experience of European countries in this field enables us to explain the emergence of the new goals of museumification and the new paradigm at the turn of the century. There are two paradigms — the paradigm of "preservation" and the paradigm of "development". The former arises in the context of the Soviet culture and aims to preserve the memory of a particular industry — its history, manufacturing process, and architectural heritage. The latter is closely connected with city branding and is aimed at the development of the territory (city, region). It occurs in European countries, and is borrowed by the Russian urban practices in the early 21st century. The museumification has new goals — the improvement of expressiveness and the humanization

МУЗЕЕФИКАЦИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

of urban environment, the formation of creative spaces and "human capital assets".

Keywords: museum, industrial heritage, paradigm, creative practices, human capital assets, city branding.

Процессы цивилизационного развития приводят к изменению внешнего вида и структуры городов, их функционального назначения и образа жизни в них людей. Страны с постиндустриальной экономикой расстаются со своими производственными мощностями, переводя их в регионы с более низкой себестоимостью производства товара. В других случаях промышленные территории перестают использоваться по назначению из-за кризиса в производстве, выработки месторождений и др.

Перед управленцами встает вопрос — что делать с освободившимися территориями. М.Ю. Тимофеев отмечает: «Журналисты пишут не только о музеефикации и джентрификации, но и о реиндустриализации, о создании индустриальных парков, как новой фазе развития промышленности в постиндустриальный период» [13, с. 14]. Вариантов, действительно, существует много — начиная со сноса промышленного объекта и полного перепрофилирования территории, заканчивая музеефикацией индустриального объекта. В основе развития культуры лежат два процесса — преемственность и новаторство. Вследствие этого можно утверждать, что все возможные варианты могут быть успешны, если будут выбираться с учетом уровня эффективности решения имеющихся в каждом конкретном случае задач. Оставив вопрос о производственном перепрофилировании территории или создании индустриальных парков специалистам в этой области, обратимся к непосредственно философской и культурологической проблеме культурной памяти.

Этой проблеме всегда уделялось большое внимание, доказательством чему может служить создание Международного комитета по сохранению индустриального наследия (The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage (ТІССІН)) в Великобритании в 1960-е гг. Россия вошла в этот комитет в 1994 г. Конгрессы 1996 и 2003 гг. были проведены в России (Москва, Екатеринбург, Нижний Тагил). Ряд индустриальных объектов был признан памятниками ЮНЕСКО: мост Айрон Бридж (Великобритания), долина реки Дервент с индустриальным ландшафтом (Великобритания), фабричный поселок Сан-Леучо (Италия), город Коро (Венесуэла) и др.

Тема сохранения культурной памяти об индустриальном прошлом нашей страны в последние годы становится все более востребованной. В 1990-х гг. наблюдалась тенденция на «забывание» своего советского прошлого, обесценивание его достижений, американизацию культуры, что было зеркальным отражением отказа от имперского периода истории страны, характерного для советской России. Сейчас мы наблюдаем возрождение национального самосознания страны, ее духа, неоднократно поднимался вопрос о необходимости выработки национальной идеи, что идет параллельно с отстаиванием суверенитета страны на международном уровне.

Впервые за последние сто лет не призывают отказаться от прошлого, а пытаются гармонично совместить великую имперскую и советскую эпохи и найти свою дорогу в будущее. Подобная тактика используется не только в России. Именно эту идею сформулировал В. Лоренс, директор программы «Грац 2003 — культурная столица Европы»: поиск путей открыться новому, не подвергая опасности старое. Это одна из основных задач, стоящих перед современным обществом.

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Значимость промышленности на Западе и в СССР была различна. В отличие от западных стран, индустриальная сфера в СССР (в первую очередь тяжелая промышленность) носила онтологический характер, так как рассматривалась в качестве неотъемлемого условия существования страны и строительства коммунизма. В одной из своих речей о социалистической индустриализации И.В. Сталин говорил: «Партия знала, что война надвигается, что оборонять страну без тяжелой индустрии невозможно, что нужно поскорее взяться за развитие тяжелой индустрии, что опоздать в этом деле — значит проиграть. Партия помнила слова Ленина о том, что без тяжелой индустрии невозможно отстоять независимость страны, что без нее может погибнуть советский строй» [11, с.17]. В связи с этим сохранение культурной памяти о советском индустриальном прошлом приобретает особую значимость для России.

Музеефикация индустриальных объектов началась еще в СССР, и если мы проследим основные этапы ее становления, то увидим, что со временем происходило изменение ее парадигмы: от сохранения объекта как памятника самому себе (советский дискурс) к музеефикации как части программы по развитию территории.

История промышленных музеев в СССР насчитывает почти полвека. Обширный материал для анализа дает один из наиболее индустриализированных регионов России — Урал, хороший обзор индустриальных музеев которого был проведен Л.Е. Добрейциной [2]. Уже в семидесятые годы на Урале появлялись заводы-музеи. В 1970 г. был открыт музейный комплекс Северского трубного завода (город Полевской) при работающем заводе (практика совмещать музей и работающий завод существует до сих пор). В Солекамске в 1986 г. Усть-Боровской солеваренный завод, проработавший до 1972 г., открылся для посетителей как Музей истории соли России. После закрытия в 1987 г. демидовского завода в Нижнем Тагиле (с 1957 он входил в состав Нижнетагильского металлургического комбината), на его территории появляется крупнейший в стране музей истории развития металлургического производства. Череду примеров можно продолжать.

Концепции советских музеев существовали в парадигме «сохранение». Сохранялись объекты, предметы, память о чем-либо и т.д. Часто это было сохранение объекта ради него самого, ничто чуждое данному месту извне не допускалось, исключения делались лишь для тех случаев, когда внешние «вливания» помогали максимально точно восполнить утраченные элементы аутентичной среды. Классическим примером данной парадигмы (но не относящимся к индустриальной сфере) были и до сих пор являются дома-музеи В.И. Ленина, особо бережно охраняемые и в наши дни на его родине — в Ульяновске.

Со сменой экономического и политического строя в нашей стране после распада СССР такая музейная парадигма обнаружила ряд серьезных недостатков — оказалась серьезной дотационной сферой и не приносила своего вклада в дело развития регионов в то самое время, когда они получили большую независимость от центра, следствием чего явилась необходимость самостоятельно пополнять большую часть своего бюджета.

На фоне этих изменений в России произошло появление теорий и практик городского маркетинга. Давно реализуемый в западных странах, он очень быстро стал востребованным и в России. Темы конкуренции территорий за жителей и потоки капиталов, привлекательного имиджа города, мегасобытий и т.п. до сих пор держатся в топах гуманитарных, экономических и управленческих тем.

Опыт западных стран со всей очевидностью доказывает, что ключом к развитию территорий может стать культурный ресурс — та сфера, которая некогда в СССР была дотационной и использовалась как инструмент насаждения идеологии. Уже не только промышленные пред-

МУЗЕЕФИКАЦИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

приятия, а фестивали, карнавалы, выставки, музейные комплексы и т.п. стали рассматриваться в качестве центров притяжения людских потоков, источников поступлений для местных бюджетов.

Со временем оказалось, что культурный ресурс способен не только напрямую, но и опосредованно оказывать положительное влияние на экономику региона — через гуманизацию городской среды, способствующую развитию «человеческого капитала». Культурное разнообразие городского пространства часто становится центром притяжения талантливых людей в конкретный город. Классическими работами по этой теме являются книги Чарльза Лэндри «Креативный город» (2000 г.) и Ричарда Флориды «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» (2002 г.). Исследователи фиксируют те процессы городской жизни, которые начинают определять лицо постиндустриального общества.

Проявлением именно этих процессов является сращение заброшенных индустриальных объектов и креативных пространств. Формируется новая парадигма музеефикации индустриальных объектов, которую мы называем постиндустриальной парадигмой. Ее возникновение связано не только с появлением новых функций музеефикации, но и с изменением в понимании назначения города (данные процессы впервые наблюдались в западных странах).

Советские индустриальные города (а огромное количество городов СССР было именно такими) складывались как пространства, ориентированные в первую очередь на производство. Человек здесь был производственным ресурсом, а не целью социального прогресса. Какие бы проекты по развитию городов не появлялись в советское время — будь то пешеходные микрорайоны или идея «крыша как центр общественной жизни» [10] — модусом существования человека в их пространстве оставалась знаменитая формула К. Маркса «человек — придаток машины». Заметив эту нарастающую тенденцию, Георг Зиммель называл город «общественно-техническим механизмом» и писал, что, начиная с XVIII в., проявляется «... возмущение субъекта против нивелирования его и поглощения общественно-техническим механизмом» [4, с. 1].

В результате произошедших в экономике структурных изменений, выразившихся в переходе от индустриальной к постиндустриальной цивилизации, города более не понимаются как пространства для заводов, но становятся пространствами для людей. Современные российские города находятся сегодня в процессе трансформации из парадигмы существования в качестве советского индустриального города в новое урбанистическое пространство, черты которого пока еще не совсем ясны. В процессе трансформации в них порождаются новые виды пространств, локализирующие новые коммуникационные процессы, либо происходит переориентация старых.

Обзор трансформаций постсоветских городов, сделанный на материале сборника «Город и время» [1], ярко свидетельствует о том, что доминировавшие до распада СССР индустриальные, производственные пространства «сворачиваются», а их место занимают торговые, либо «креативные пространства», причем именно с последними связывается успех в развитии многих городов.

С учетом проблем, порожденных советскими индустриальными городами, современная теория и практика городского развития сконцентрировалась по большей части вокруг идеи создания условий для благоприятного развития «человеческого капитала». Вслед за европейской урбанистической теорией и практикой, российские специалисты связывают этот путь с развитием креативных пространств и практик в городе. Создание таких пространств начинает включаться в стратегические планы развития ряда городов (см., например, стратегический

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

план развития Санкт-Петербурга).

Так, И.М. Лисовец указывает на креативное пространство, которое должно способствовать возникновению гуманистической составляющей городской среды, переориентируя город с индустрии на людей, в нем живущих: «В качестве фундаментальной задачи для постсоциалистических российских городов явилась необходимость радикальной переориентации города и городской культуры на возделывание человека, живущего в нем, взамен использования и городского населения, и городских районов для обслуживания предприятий, являвшихся или являющихся градообразующими... Все более становилось очевидным, что город — это, прежде всего, людские ресурсы, т. е. его жители» [6, с. 74-75]. Ссылаясь на Ч. Лэндри, исследователь отмечает, что «... современный город должен стать выразительным пространством, направленным на его жителей, а ресурсом его развития, должен стать культурный ресурс» [6, с. 75]. Автор приводит в пример выставочные комплексы (музей Гугенхайма, созданный Ф. Гэри), фестивали искусств (знаменитые венецианская и московская Биеннале современного искусства, Уральская индустриальная Биеннале современного искусства), арт-практики (стрит-арт, граффити, флэш-моб, перформансы, паблик арт, современная городская скульптура) и др.

Заметим, что в постиндустриальной цивилизации культурный ресурс оказался «многопрофильным» средством решения проблем общества. Так, авторы доклада о культурной политике мировых городов, сделанного на материалах 2012—2014 гг., отмечают: «В Боготе и Йоханнесбурге, например, культуру рассматривают как часть сферы здравоохранения и социального развития, как ключ к улучшению жизни некогда маргинальных слоев общества. Для Сиднея важной целью являются интеграция в городскую среду культуры проживающих там аборигенов. Амстердам и Сингапур считают культурную деятельность жизненно важной частью образовательного процесса, начиная со школьной скамьи. Париж отводит культуре приоритетную роль в экономическом развитии, в то время как Шанхай видит в культуре источник социальной гармонии и стабильности в условиях быстрых экономических и социальных изменений» [3, с. 36]. Можно сделать вывод, что развитие территорий через улучшение экономической и гуманитарной сфер — одна из возможных функций культурного ресурса.

Таким образом, постиндустриальная парадигма музеефикации индустриальных объектов заключается в создании в городе особых видов пространств, использующих культурный ресурс (индустриальное наследие) для разностороннего развития территории. Отечественная практика создания индустриальных музеев в новой парадигме начала свой путь с заимствования европейского опыта. Обратимся к примерам.

Некогда Турин был городом с плохой экологией из-за располагавшегося в нем автомобильного завода «Фиат». В стремлении улучшить условия жизни в городе завод был вынесен за его территорию (сейчас в городе осталась лишь штаб-квартира автогиганта), а в освобожденном здании был открыт музей «Фиата», представляющий историю мирового автомобилестроения, начиная с самых первых машин и заканчивая автомобилями будущего. Автомобильная тема была дополнена темами искусства и спорта. В память о том, что Турин — родина итальянского кинематографа, с 1982 г. здесь проводится ежегодный Международный Туринский кинофестиваль для начинающих режиссеров, продюсеров и сценаристов. Был открыт «Музей кино». С 1988 г. проводят Туринскую книжную ярмарку, крупнейшую в Италии. В 2006 г. здесь была проведена зимняя Олимпиада, собравшая огромное количество посетителей. С 2007 г. проходит Туринский театральный фестиваль «Teatro a Corte». В данном примере постиндустриальная парадигма музеефикации представлена не в полной мере, но хорошо

МУЗЕЕФИКАЦИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

видна характерная для постиндустриального города переориентация с индустрии на сферу услуг и креативные практики.

Манчестер известен как крупный индустриальный центр Великобритании. Поэтому не случайно, что в нем возник музей науки и промышленности, являющийся сегодня местом притяжения огромного количества туристов. Для него очень удачно было выбрано место — музей расположен на месте первой в мире железнодорожной станции (на дороге Манчестер — Ливерпуль), которая была открыта в 1830 г. Фасад станции и склад внесены в список архитектурного наследия страны первой категории. С 2007 г. Музей науки и промышленности организует научный фестиваль в Манчестере. Подобная связка «музей — культурное событие» становится типичной для постиндустриальной парадигмы музеефикации. Ее главная функция — интенсификация человеческих потоков (привлечение туристов).

В швейцарском городе Санкт-Галлен в 1903 г. было построено здание текстильной фабрики. После закрытия производства в нем организовали локомотивное депо, просуществовавшее до конца 1980-х гг. С 1999 по 2004 гг. в этом здании располагалась выставочная галерея Hauser & Wirth, а в сентябре 2010 г. состоялось открытие культурного центра Lokremise, ставшего для города фокусом всей культурной жизни. В нем проводятся выставки произведений искусства, существует свой театр, дающий примерно 480 представлений в год, кинотеатр Kinok продвигает киноискусство, Lokal хранит традиции железнодорожных ресторанов. С индустриальной культурой этот центр связан не только через ресторанный культуру. Само здание является памятником индустриальной архитектуры национального значения [21].

Металлургический комбинат в немецком городе Фёльклинген в 1994 г. стал первым индустриальным памятником, включенным в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Закрытие завода стало следствием кризиса в сталелитейной промышленности. Сейчас на его территории сосуществуют современный завод и музей «Фёльклингер Хютте» (Völklinger Hütte) с разнообразными экскурсиями, рассказывающими об истории металлургии. Одновременно музей — место проведения разного рода культурных мероприятий — концертов, выставок, фестивалей. Совмещение действующего производства и культурного центра трактуется организаторами как символ преемственности поколений в промышленности [8]. Благодаря музею и культурным событиям, проводящимся в его пространстве, город стал одним из популярных туристических центров Германии. Ежегодно его посещает от двухсот до трехсот тысяч человек [16]. Таким образом, индустриальный музей Фёльклингена позволил сохранить память о прошлом региона, а, следовательно, поддержать его культурную идентичность, обогатить культурную жизнь города, гуманизировать городское пространство через культурные практики.

Но, пожалуй, самым знаменитым индустриальным музеем в Европе является бывшая шахта Цолльферайн (Zollverein) в Эссене, которая считается одним из символов индустриализации XX века и с 2001 г. числится в списке памятников всемирного наследия ЮНЕСКО. Знаменитой ее сделала программа «Культурная столица Европы» (2010 г.), возможности по продвижению территории которой очень продуктивно были использованы организаторами мероприятия.

Пережив кризис в угольной отрасли, современный Эссен смог стать индустриальным, научным и культурным центром. Действуя под девизом «Сохранение через перепрофилирование» («Erhalt durch Umnutzung»), авторы проекта превратили здания заводов и угольные шахты Цолльферайн в крупный культурный центр, в рамках которого существуют музеи угольного дела, постоянные и сменяющиеся экспозиции современного искусства, концерты, театральные постановки и перформансы, лекции, фестивали и многое другое. Сегодня этот

МУЗЕИФИКАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

культурный центр предлагает более полутора сот мероприятий в год на любой вкус и возраст [14], его посещают более полутора миллионов человек в год [17]. На территории Цолльферайн успешно работает частная художественная школа дизайна.

Шахтеров сменили туристы и любители дизайна. Гуманитарная среда города сильно изменилась — из экологически неблагоприятного промышленного региона Эссен превратился в культурный центр мирового уровня, предлагающий его жителям и многочисленным гостям богатый выбор качественного художественного продукта.

Изученный европейский опыт помог отечественным менеджерам, искусствоведам, музейным работникам создать культурные центры, ориентированные на развитие города (региона) в России. К примеру, путь от одной парадигмы к другой прошел Музей истории соли в России (г. Соликамск) — с 1986 г. он существовал в советской парадигме «сохранение», с 2006 г. происходит попытка перехода в постиндустриальную парадигму: возникает уже упоминавшаяся связка «музей — культурное событие» — с 2006 г. ежегодно проводится фестиваль кузнечного дела «Огни Гефеста», призванный повысить поток туристов в регион, разнообразить культурную среду города.

Здания бывших заводов становятся популярными местами для современного искусства различных направлений. Самый шумевший проект — «Винзавод», предоставляющий свои площади современным художникам, фотографам, музыкантам, лекторам и др. Здесь собраны художественные галереи, мастерские художников, дизайнеров и фотографов, арт-кафе и многое другое.

Пример из провинции — Фабрика-кухня в Самаре. Это здание — часть бывшего завода имени Масленникова. Сам завод давно превратили в торговый центр. Поначалу и фабрику-кухню постигла та же судьба (что типично для бывших индустриальных пространств). Но здание фабрики-кухни уникально — оно выполнено в виде серпа и молота (вид сверху). Это стало решающим аргументом в его судьбе. В конце 2013 г. после долгих перипетий (в том числе после планов по ее сносу) фабрику-кухню решили сделать Средневолжским филиалом Государственного центра современного искусства. Отмечается, что «Бренд Фабрики-кухни, безусловно, будет сохранен, однако, он будет интерпретирован и переосмыслен с точки зрения современного искусства: фабрика — это пространство производства, а кухня — это лаборатория, где создаются идеи и пространство для дискуссии» [5]. Планируется проведение выставок, культурных событий, лекций, образовательных программ для различных возрастов, создание творческих мастерских.

Музей должен стать тем местом, где у художника (в широком смысле этого слова) будет возможность творить. Руководители филиала Роман и Неля Коржовы надеются на привлечение в этот центр новой аудитории — жителей спальных районов, работающих на различных производствах Самары [5]. Таким образом, через развитие сферы современного искусства, увеличение разнообразия в культурной жизни города с ориентацией на новую аудиторию будет сохранен памятник советской индустриальной архитектуры и память об этой эпохе — принцип «Сохранение через перепрофилирование» в действии.

Разнообразие в культурную жизнь города и улучшение условий для развития арт-среды вносят музеи уличного искусства. Стрит-арт и граффити сегодня является популярным направлением по всему миру. Некоторые из этих музеев располагаются на территориях бывших индустриальных производств. Так, летом и осенью 2013 г. функционировал культурный центр «СахАрт» на бывшем Краснопресненском сахарном заводе в Москве. Это социальный проект и первая легальная российская площадка для создания граффити-произведений [12]. Его

МУЗЕЕФИКАЦИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

главная цель — дать легальную возможность граффитчикам и художникам для самовыражения. Вопрос легальности в граффити важен в том аспекте, что без согласования с властями роспись стен в общественных местах расценивается как вандализм и карается большим денежным штрафом. Вниманию зрителей были представлены работы студентов и выпускников Британской высшей школы дизайна, Московской Школы фотографии и мультимедиа имени Родченко, функционировала лаборатория кино, проведен курс лекций от известных дизайнеров, руководителей курсов творческих ВУЗов и др. Также любой желающий мог стать участником этого творческого проекта.

В 2014 г. был открыт Музей стрит-арта в Санкт-Петербурге на действующем производстве: «Принципы объединения индустриальной постсоветской эстетики, обнаженного нерва реальной жизни и молодого уличного искусства в общественном пространстве можно назвать основными тезисами проекта» [9], — утверждают организаторы музея в Санкт-Петербурге. Причины открытия подобного музея на заводе объясняет председатель совета директоров «Завода слоистых пластиков» Дмитрий Зайцев: «Когда ты каждый день приходишь на завод, на своё рабочее место, три года энергия позитивная ещё есть, через пять лет уже её меньше, через десять это всё надоедает. Мы решили сделать из завода необычное и новое пространство, в котором будет интересно работать» [7]. На лицо реализация принципа улучшения качества городской среды (в частности, заводского пространства) через сферу культуры, сформулированного Ч. Лэндри и Р. Флоридой.

В этом году в уже упоминавшемся музее «Völklinger Hütte» проходила биеннале уличного искусства, куда привезли работы со всего мира.

Заметим, что интересен сам факт перехода уличного искусства и граффити в пространство музея. Возникнув в конце 60-х гг. XX в. в социально неблагополучной среде Нью-Йорка, в которой практически не было возможностей для самовыражения молодежи (в первую очередь социальной базой были афроамериканцы и выходцы из Латинской Америки), граффити стало их рупором, способом сделать свои протестные высказывания, адресованные власти, публичными: «Граффити было способом сопротивления власти и изменения внешнего вида городской среды...» [15]. Позднее появляются различные формы стрит-арта. Изменение социальной ситуации, выход граффити за пределы страны и демографической группы позволили этому виду арт-практики изменить свои функции и формы существования. Сегодня граффити и стрит-арт — не только вандализм, каковым он виделся властями и некоторыми горожанами изначально, но и произведения искусства, которые может продаваться на крупнейших аукционах за шестизначные суммы (к примеру, работы Бэнкси [19]), являются популярными туристическими достопримечательностями (один из самых известных примеров — улица Hosier Lane в Мельбурне [20]), способом высказываться на важные политические или социальные темы [18], востребованной темой для научных исследований, музейным экспонатом и многим другим. Таким образом, появление произведений стрит-арта в помещениях бывших индустриальных производств можно трактовать как пересечение двух самостоятельных культурных процессов — переориентации города с индустрии на человека и смены форм бытования уличного искусства.

Таким образом, можно говорить о том, что на рубеже XX — XXI вв. сначала в Европе, а потом и в России возникает постиндустриальная парадигма музеефикации индустриального наследия, являющаяся составной частью программ развития территорий. Безусловно, не все музеи работают или будут работать в данной парадигме — и в России, и на Западе будут музеи, существующие в парадигме «сохранение». С нашей точки зрения, подобная ситуация

МУЗЕИФИКАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

является наиболее продуктивной, так как две парадигмы успешно дополняют друг друга, выполняя разные функции.

Мы полагаем, что главной функцией культурных центров, функционирующих в постиндустриальной парадигме, является создание благоприятных условий для формирования человеческого капитала, для творческой самореализации личности и удовлетворения духовных потребностей. Экономическая же функция, связанная с увеличением дохода в местную казну, часто себя не оправдывает. К примеру, один из масштабнейших проектов — Цолльферайн, привлекая полтора миллиона посетителей в год, является при этом дотационным.

В рамках этих центров происходит переосмысление индустриального наследия, перефилирование ради сохранения, возникают новые формы его использования, иногда напрямую не связанные с сохранением памяти о конкретном производстве, но сохраняющие связь с прошлым через некие «точки памяти» - сохраненное название, придание зданию статуса архитектурного памятника регионального или федерального значения, сохранение в концепции культурного центра ориентации на производство, но уже не индустриальное, а творческое, авторское, уникальное.

Библиография

1. Город и время: в 2 томах. Интернациональный научный альманах «Life Sciences» / Авторы проекта: Елена Бурлина, Лариса Иливицкая, Юлия Кузовенкова. — Самара: Самарское книжное издательство, 2012.
2. Добрейцина Л. Е. Музеи-заводы на Среднем Урале: осмысление прошлого и индикатор настоящего в культуре индустриального Урала // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. — С. 27-37.
3. Доклад о культуре мировых городов / Сост. П. Оуэнс, К. Гиббон, М. Прин и др. Пер. МИСКП. — М.: Издание Московского института социально-культурных программ, 2015.
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3 (34). — С. 1-12.
5. Краснов С. Фабрика-кухня грез // Большая деревня. URL: http://bigvill.ru/life/378-fabrika_kuhnya_grez/ (дата доступа: 15.08.2015).
6. Лисовец И.М. Актуальные художественные практики в трансформации постсоциалистического города // Город и время: в 2-х тт. — Т. 2. Самара, 2012. — С. 74-77.
7. Музей граффити открылся на «Заводе слоистых пластиков» в Красногвардейском районе // Невские новости. URL: <http://nevnov.ru/city/rajonyi/muzej-graffiti-otkryilsya-na-zavode-sloistyix-plastikov-v-krasnogvardejskom-rajone/> (дата обращения: 15.08.2015).
8. Нелюбин М. Завод «Фельклингер Хютте» в Сааре // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/ru/завод-фельклингер-хютте-в-сааре/a-4283506>. (дата обращения: 12.08.2015).
9. О музее // Музей стрит-арта. URL: <http://streetartmuseum.ru/about/> (дата обращения: 15.08.2015).
10. От утопии к реальности: 5 идей советских градостроителей // Большая деревня. URL: http://bigvill.ru/strelka/ot_utorpii/ (дата обращения: 26.06.2014).
11. Речь товарища И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 года // И. Сталин. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. — Челябинск: ОГИЗ. 1946.
12. Социальный проект «СахАрт» // KudaGo.com. URL: <http://kudago.com/msk/place/sahart-socialnyj-proekt/> (дата обращения: 15.08.2015).
13. Тимофеев М.Ю. Там, где видны фабричные трубы, или гимн индустриального периода (незавершённое эссе из 4 3/4 частей) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.

МУЗЕФИКАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

2014. № 1. — С. 4-16.

14. Angebote // Stiftung Zollverein. URL: <https://www.zollverein.de/angebote> (дата обращения: 14.08.2015).
15. Dennant P. The Emergence of Graffiti in New York City // Hip-Hop Network. URL: <http://www.hiphop-network.com/articles/graffitiarticles/emergenceofnycitygraffiti.asp> (дата доступа: 16.08.2015).
16. Die Geschichte der Völklinger Hütte // Völklinger Hütte (die Offizielle Seite). URL: <http://www.voelklinger-huette.org/de/faszination-weltkulturerbe/die-geschichte/>. (дата обращения: 15.08.2015).
17. Geschichte // Stiftung Zollverein. URL: <https://www.zollverein.de/info/geschichte> (дата обращения: 14.08.2015).
18. Jechow E. Public Art, Public Statements: An Opinion on Graffiti // The Muse Dialogue. URL: <http://musedialogue.org/articles-by-genre/visual-arts/street-art/public-art-public-statements-an-opinion-on-graffiti/> (дата доступа: 17.08.2015).
19. Spreckelsen T. Lucifer war hier // Frankfurter Allgemeine. URL: <http://www.faz.net/aktuell/wissen/graffiti-forschung-lucifer-war-hier-1983152.html>. (дата обращения: 16.08.2015).
20. Street Art // City of Melbourne. URL: <http://www.thatsmelbourne.com.au/Placestogo/PublicArt/Pages/StreetArt.aspx>. (дата обращения: 17.08.2015).
21. Willkommen // Die Lokremise. URL: <http://www.lokremise.ch/lokremise/willkommen> (дата обращения: 16.08.2015).

References

1. Gorod i vremia: v 2 tomakh. Internatsional'nyi nauchnyi al'manakh «Life Sciences» / Avtory proekta: Elena Burlina, Larisa Ilivitskaia, Iuliia Kuzovenkova. – Samara: Samarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012.
2. Dobreitsina L. E. Muzei-zavody na Srednem Urale: osmyslenie proshlogo i indikator nastoiashchego v kul'ture industrial'nogo Urala // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovani. 2014. № 1. S. 27-37.
3. Doklad o kul'ture mirovykh gorodov / Sost. Pol Ouens, Kris Gibbon, Met'iu Prin i dr. Perevod MISKP. – M.: Izdanie Moskovskogo instituta sotsial'no-kul'turnykh programm, 2015.
4. Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaia zhizn' // Logos. – 2002. – 3 (34). – s. 1-12.
5. Krasnov S. Fabrika-kukhnia grez // Bol'shaia derevnia. http://bigvill.ru/life/378-fabrika_kuhnya_grez/.
6. Lisovets I.M. Aktual'nye khudozhestvennye praktiki v transformatsii postsotsialisticheskogo goroda // Gorod i vremia... Tom 2. – s. 74-77.
7. Muzei graffiti otkrylsia na «Zavode sloistykh plastikov» v Krasnogvardeiskom raione // Nevskie novosti. <http://nevnov.ru/city/rajonyi/muzej-graffiti-otkryilsya-na-zavode-sloistyix-plastikov-v-krasnogvardejskom-rajone/>.
8. Neliubin M. Zavod «Fel'klinger Khiutte» v Saare // Deutsche Welle. <http://www.dw.com/ru/zavod-fel'klinger-khiutte-v-saare/a-4283506>.
9. O muzee // Muzei strit-arta. <http://streetartmuseum.ru/about/>.
10. Ot utopii k real'nosti: 5 idei sovetskikh gradostroitelei // Bol'shaia derevnia. <http://bigvill.ru/strelka/ot-utopii/>.
11. Rech' tovarishcha I. V. Stalina na predvybornom sobranii izbiratelei Stalinskogo izbiratel'nogo okruga g. Moskvy 9 fevralia 1946 goda // I. Stalin. Rechi na predvybornykh sobraniiakh izbiratelei Stalinskogo izbiratel'nogo okruga g. Moskvy 11 dekabria 1937 g. i 9 fevralia 1946 g. Cheliabinsk: OGIZ. 1946.
12. Sotsial'nyi proekt «SakhArt» // KudaGo.com. <http://kudago.com/msk/place/sahart-socialnyj-proekt/>.
13. Timofeev M.Iu. Tam, gde vidny fabrichnye trubny, ili gimn industrial'nogo perioda (nezavershennoe esse iz 4 3/4 chastei) // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovani. 2014. № 1. S. 4-16.
14. Angebote // Stiftung Zollverein. <https://www.zollverein.de/angebote>.
15. Dennant P. The Emergence of Graffiti in New York City // Hip-Hop Network. <http://www.hiphop-network.com/articles/graffitiarticles/emergenceofnycitygraffiti.asp>.
16. Die Geschichte der Völklinger Hütte // Völklinger Hütte (die Offizielle Seite). <http://www.voelklinger-huette.org/de/faszination-weltkulturerbe/die-geschichte/>.

МУЗЕИФИКАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

17. Geschichte // Stiftung Zollverein. <https://www.zollverein.de/info/geschichte>.
18. Jechow E. Public Art, Public Statements: An Opinion on Graffiti // The Muse Dialogue. <http://musedialogue.org/articles-by-genre/visual-arts/street-art/public-art-public-statements-an-opinion-on-graffiti/>.
19. Spreckelsen T. Lucifer war hier // Frankfurter Allgemeine. <http://www.faz.net/aktuell/wissen/graffiti-forschung-lucifer-war-hier-1983152.html>.
20. Street Art // City of Melbourne. <http://www.thatsmelbourne.com.au/Placestogo/PublicArt/Pages/StreetArt.aspx>.
21. Willkommen // Die Lokremise. <http://www.lokremise.ch/lokremise/willkommen>

МУЗЕЕФИКАЦИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ**К.Е. Балдин**

Балдин Кирилл Евгеньевич (Иваново, Россия) — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Ивановского государственного университета; Email: kebaldin@mail.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ МУЗЕЕФИКАЦИИ ФАБРИЧНОГО ПОСЕЛКА ЭПОХИ
ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В РОССИИ**

Статья посвящена фабричным поселкам, которые существовали в России во второй половине XIX – начале XX в. Они представляли собой особый тип промышленных поселений и были широко распространены в Центральном промышленном районе России, в том числе во Владимирской и Костромской губерниях. Одним из таких поселков являлась Южа, ныне она — районный центр Ивановской области. Здесь до наших дней хорошо сохранились основные элементы дореволюционной промышленной и социально-культурной инфраструктуры. Автор статьи рассматривает перспективы музеефикации этого исторического комплекса, состоявшего из фабричных зданий, больницы, школы, клуба и других объектов. В статье говорится о первых шагах по созданию музейных экспозиций, которые реконструируют жизнь типичного промышленного поселка более чем сто лет назад.

Ключевые слова: промышленная революция в России, фабричный поселок, музей, экскурсии, анимация.

К.Е. Baldin

Kirill Yevgenyevich Baldin (Ivanovo, Russia) — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia, Ivanovo State University;
Email: kebaldin@mail.ru

**PROSPECTS OF MUSEUMIFICATION OF A FACTORY VILLAGE OF THE
PERIOD OF THE RUSSIAN INDUSTRIAL REVOLUTION**

The article is devoted to industrial villages which existed in Russia in the late 19th – the early 20th century. They were a special form of industrial settlements, widely spread in the Central industrial region of Russia including Vladimir and Kostroma provinces. Yuzha was one of those settlements; now it is a district center of Ivanovo oblast. The main elements of the pre-revolutionary industrial and socio-cultural infrastructure are well preserved here. The author examines the “museumification” prospects of this historical complex consisting of factory buildings, hospitals, schools, clubs and other objects. The article describes the first steps of the museum exhibitions creation reconstructing the life of a typical industrial village more than a hundred years ago.

Keywords: industrial revolution in Russia, factory village, museum, sightseeing tours, animation.

МУЗЕФИКАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Во второй половине XIX столетия в условиях завершения индустриальной революции в Российской империи сложились три основных типа промышленных поселений. Ведущим типом среди них были индустриальные города. К ним, разумеется, относились две российские столицы, население которых к концу позапрошлого столетия уже превышало 1 млн. чел. в каждой. Кроме того, в стране в это время было около двух десятков крупных городов, которые являлись, прежде всего, не чиновничьими или торговыми, а промышленными центрами. Это были Рига, Харьков, Лодзь, Екатеринослав, Баку, Иваново-Вознесенск и др.

Вторым типом являлся фабричный или заводской поселок — негородское поселение, которое возникало, как правило, вокруг одного предприятия, но зато принадлежавшего к категории крупных или крупнейших. В соответствии с дореволюционной статистикой к первой из этих двух групп принадлежали заведения с числом работавших свыше 500 чел., а ко вторым — с числом занятых более 1000 чел.

Третий тип промышленного заведения — кустарное село, основой которого были небольшие ремесленные заведения, в которых применялся ручной труд. Типичным таким селом в Нижегородской губернии было Павлово (ныне г. Павлово-на-Оке), поставлявшее на рынок ключи, замки, ножи и другую металлопродукцию, за что оно было названо «Русским Шеффилдом»). В Московской губернии к этому типу поселений относились Кимры, специализировавшиеся на изготовлении кожаной обуви. Во Владимирской губернии в селах Палех, Холуй и Мстера сотнями тысяч производились иконы.

Остановимся подробнее на типе фабрично-заводского поселка. Его никак нельзя назвать редким явлением. Поселки получили широкое распространение в разных регионах, в частности, на Урале. Большинство современных уральских промышленных городов среднего и даже крупного размера до революции являлись негородскими центрами, сформировавшимися вокруг металлургических заводов. Это Нижний Тагил, Надеждинск, Невьянск, Сысерть и др. Другой район, в котором находились такие поселки — Донбасс и Приднепровье, где они возникали на базе металлургических предприятий, угольных и железорудных добывающих предприятий. Например, в Екатеринославской губернии это были Алчевск, Дебальцево, Дружковка, Енакиево, Кадиевка и др. Третьим районом распространения такого рода поселков стала Правобережная Украина. Здесь они сформировались вокруг сахарных предприятий. К ним относились Смела, Осота, Стеблев Киевской губернии, Хреновка, Сатанов, Степановка Подольской губернии и др.

Но, как нам представляется, наибольшее распространение фабрично-заводские поселки получили в Центральном промышленном районе. Они имелись в Московской, Тверской, Владимирской, Ярославской, Костромской и некоторых других губерниях. Особенно много их насчитывалось в Иваново-Вознесенском промышленном районе — неадминистративном образовании, охватывавшем южные уезды Костромской губернии (Кинешемский, Юрьевоцкий, Нерехтский) и северные уезды Владимирской губернии (Шуйский, Ковровский, Вязниковский). На базе этого района в июне 1918 г. была создана Иваново-Вознесенская губерния.

По своему административному статусу эти поселки до революции числились селами и даже деревнями. В текстильном крае типичными текстильными «городками» были Кохма, Родники, Серeda, Тейково, Бонячки, Тезино, Гольчиха, Южа, Наволоки. Все они выросли на базе одной, в редких случаях — двух-трех крупных хлопчатобумажных фабрик. Были также фабричные поселки, специализировавшиеся на производстве льняных тканей — Яковлевское и Новописцово. Численность населения во многих вышеперечисленных индустриальных центрах была больше, чем в иных городах региона, например, в Плесе или Лухе, в которых про-

МУЗЕЕФИКАЦИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

мышленность практически отсутствовала. В связи с этим совершенно не случайно, что вскоре после революции был изменен административный статус фабричных сел (поселков). В 1918 г. стали городами Середа, Тейково и Родники, в 1925 г. — Вичуга, Южа и Кохма, в 1938 г. — Приволжск и Наволоки.

Обычно вся деловая, социальная и культурная жизнь такого поселка вращалась вокруг одного предприятия. В Юже это была фабрика Балиных, в Тейкове — Каретниковых, в Родниках — Красильщиковых, в Наволоках — Миндовского и Бакакина, в Кохме — фабрика Ясюнинских.

Бывало и так, что из фабричных поселков, располагавшихся на близком расстоянии, формировались урбанистические конгломераты. В Кинешемском уезде на рубеже XIX и XX в. буквально в одной версте друг от друга находились фабрики Коновалова, Морокина, а также предприятие Разоренова и Кокорева. Вокруг них возникли на базе небольших сел и деревень поселки, соответственно — Бонячки, Новая Гольчиха и Тезино. Более ста лет назад они фактически слились воедино в очень значительное по размерам промышленное поселение. Позже, уже в первые годы советской власти, в 1925 г., административным решением они были объединены в город, который получил название Вичуга.

Рост численности населения в перечисленных выше индустриальных центрах был очень динамичным. Его темпы соответствовали развитию текстильного предприятия, которое играло роль «поселкообразующего». На наш взгляд, такое явление как урбанизация в России должно рассматриваться не только через анализ изменений, происходивших в городах, но и с учетом роста и трансформации фабрично-заводских поселков, которые насчитывались в России начала XX в. уже не десятками, а сотнями.

Особенностью предприятий, располагавшихся в фабричных поселках Ивановского края, было то, что они, по меркам дореволюционной статистики, принадлежали к разряду не просто «крупных», а «крупнейших». Это означало, что на каждом из них работало более одной тысячи рабочих.

Типичным поселком, выросшим вокруг фабрики, являлось Южа, входившая к Вязниковский уезд Владимирской губернии. Градообразующим предприятием здесь являлась фабрика Товарищества мануфактур А.Я. Балина, основанная в середине XIX в. На ней к концу этого столетия работало несколько тысяч рабочих и служащих. Вся деловая, общественная и культурная жизнь поселка вращалась вокруг этого предприятия, которое производило пряжу и суровые хлопчатобумажные ткани.

Фабрика в Юже была основана в середине XIX в. не Балиными, а местными помещиками Протасьевыми. Но эти представители первенствующего сословия России оказались неважными коммерсантами, вскоре разорились и вынуждены были продать фабрику удачливому промышленнику Асигкриту Яковлевичу Балину из села Дунилово Шуйского уезда. [4, с. 17-18]. Фабричные корпуса, построенные им и его сыновьями, расположились на возвышенности на одном берегу небольшой речки, на другом же находилось старинное село Южа, известное еще во времена Средневековья. Эту часть города местные жители до сих пор именуют Старой Южей.

Основание текстильных предприятий в сельской местности объяснялось тем, что здесь заработная плата по традиции была ниже, чем в городах. Поэтому предприниматели охотно заводили свои фабрики в негородской местности. Работниками на них были местные крестьяне, которые были менее грамотными, менее требовательными к условиям труда и быта и менее склонными к производственным конфликтам, чем городские рабочие. Забастовки здесь про-

МУЗЕФИКАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

исходили гораздо реже, чем в урбанизированной среде. Большинство рабочих в таких фабричных селах имели свои пахотные надельные участки. Поэтому заработная плата была не единственным источником средств для их существования. Здесь производство было максимально приближено к источнику рабочей силы — крестьянству, обезземеливавшемуся после реформы 1861 года.

Зримые следы бурного промышленного развития на рубеже XIX — XX в. в городе остались почти в неприкосновенности. В Юже как типичном промышленном поселении крупное «поселкообразующее» (по аналогии с термином «градообразующее») предприятие являлось центром сопутствующей застройки. Солидных размеров каменные корпуса красноватого с белым цвета стали в Юже архитектурной доминантой фабричного поселка. До сих пор особенно впечатляюще выглядит многоэтажная технологическая башня, хорошо видная отовсюду. Эти и другие здания выстроены в так называемом «кирпичном стиле», характерном для эклектики, распространенной в России во второй половине позапрошлого столетия. Для этого стиля была характерна замена лепных украшений и штукатурки декором из неоштукатуренного кирпича. [3, с. 494].

Характерно, что архитектурной доминантой Старой Южи являлась церковь во имя Смоленской Божией Матери, которая сохранилась, реставрирована и в настоящее время действует. Это различие доминант Старой и Новой Южи как бы подчеркивало патриархальный, традиционный уклад жизни одной части населенного пункта и динамичный индустриальный характер другой.

Рядом с таким текстильным предприятием существовала развитая экономическая инфраструктура, которая обслуживала нужды фабрики. Например, вокруг Южи фабрикантам Балиным принадлежали значительные участки леса, которые они скупили у разорвавшихся местных помещиков. Лес служил источником топлива для фабрики и местного населения, которое увеличивалось из года в год. Неподалеку от Южи Балины занялись разработкой топлива, им здесь принадлежали обширные торфяные болота. Балины были полными хозяевами в этом небольшом «государстве», которое простиралось в радиусе верст в двадцать вокруг Южи. Даже местную полицию они содержали на свои деньги.

Балины испытывали определенные трудности со сбытом своей продукции, т.к. ближайшие железнодорожные станции Шуя, Савино и др. были расположены не близко, к ним не были проложены удовлетворительные грунтовые дороги. Именно поэтому неподалеку от Южи была устроена на реке Клязьме пристань. По Клязьме и Тезе курсировало несколько пароходов, принадлежавших Товариществу А.Я. Балина. Были проложены также узкоколейные железные дороги в разных направлениях.

Для обеспечения предприятия водой насыпали плотину на небольшой речке, протекавшей через поселок, в результате образовалось искусственное озеро Вазаль. В этом отношении Южа не является исключением. На других сельских предприятиях Иваново-Вознесенского промышленного района фабриканты таким же путем обеспечивали себя водой, которой для текстильного производства требуется много. В частности, аналогичные рукотворные озера существуют и поныне рядом с фабрикой Красильщиковых в Родниках, фабрикой Коноваловых в Вичуге. Значительное по размерам своего водного зеркала рукотворное озеро Вазаль представляло собой важную часть местного пейзажа. Оно отделяло патриархальную Старую Южу от промышленного поселка Новая Южа. Соединял эти две части поселка деревянный мост.

Любому приехавшему впервые в этот город человеку, прежде всего, бросается в глаза высокий и растянутый на несколько сотен метров корпус прядильно-ткацкой фабрики. Архитектурной доминантой Южи еще до революции стала многоэтажная технологическая башня

МУЗЕЕФИКАЦИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

фабрики, видная издали [4, с. 22]. Рядом с ней находится еще одна доминанта городского пейзажа — фабричная труба, а также фабричные склады, протянувшиеся вдоль Советской улицы на несколько сотен метров. Этот комплекс производственных сооружений дополняется двухэтажным зданием бывшей фабричной конторы, которая занята сейчас несколькими магазинами.

Каких-либо перспектив музеефикации внутри этих производственных помещений в настоящее время не имеется. Вместе с тем, вполне вероятен маршрут пешей экскурсии по перечисленным выше и другим зданиям. Чтобы осмотреть все фабричные и околофабричные достопримечательности Южи, вовсе не обязательна автобусная экскурсия. Во-первых, город сам по себе невелик, а, во-вторых, все перечисленные объекты расположены на одной улице, которая ныне называется Советской. Протяженность экскурсионного маршрута — не более одного километра.

В конце XIX – начале XX в. признаками «благоустроенной» фабрики в России были не только высокие кирпичные корпуса, оснащенные по последнему слову техники и технологии, но и ее социально-культурная инфраструктура, на первый взгляд не имевшая прямого отношения к производственному процессу. Это жилье для рабочих и служащих, больница, школа, детский сад, клуб (или даже народный дом) и т.п. Тем не менее, все это было необходимо для того, чтобы работник предприятия был здоров, грамотен, чтобы его досуг был «разумным» (популярный сто лет назад эпитет к существительному «досуг»), а не пьяным, чтобы он был уверен в своем будущем. Фабриканты не были заинтересованы в том, чтобы рабочий перебивался с хлеба на квас и топил свое скверное настроение в водке, т.к. озлобленный, отягощенный материальными проблемами, пьяный или похмельный рабочий по определению не мог быть хорошим тружеником.

Таких «благоустроенных» фабрик с развитой социально-культурной инфраструктурой во Владимирской и Костромской губерниях было немало. Это текстильные предприятия Морозовых в Орехове-Зуеве, Коноваловых в Бонячках, Горбуновых в Серее, Гарелиных в Иваново-Вознесенске и др. К их числу с полным правом можно отнести и прядильно-ткацкое заведение Балиных в Юже.

Перейдем теперь к социальным учреждениям фабрики. Первое, с чем сталкивались рабочие, придя издали на фабрику, была проблема жилья. Крупные фабриканты строили для своих рабочих так называемые казармы, т.е. общежития. Холостые жили в больших комнатах, а для семейных рабочих предназначался такой тип жилья как каморки, т.е. небольшие комнатки в общежитиях, рассчитанные на одну или две семьи. На средства Товарищества А.Я. Балина одна за другой в Юже стали строиться такие казармы, в которых помимо жилых комнат имелись и кухни, где можно было приготовить пищу, были запланированы другие бытовые удобства [4, с. 54-57]. Характерно, что они расположены в непосредственной близости от фабрики, для того, чтобы рабочие не тратили много времени на дорогу до фабрики. В современной Юже сохранились здания таких казарм в центре города, они поныне используются в качестве жилья, хотя претерпели внутреннюю перепланировку.

Как нам представляется, перспективы музеефикации фабричных казарм вполне реальны. Здесь можно в одной из комнат (разумеется, на первом этаже) построить экспозицию, воспроизводящую обстановку начала XX в., собрав сюда нехитрую мебель того времени — кровати, стол, шкаф-посудник. Экскурсию можно построить с элементами анимации, когда работница или работник, облаченный в одежду того времени, может поведать посетителям об особенностях быта текстильщика, его скудном бюджете, радостях и горестях.

МУЗЕИФИКАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

На рубеже XIX и XX в. больниц в Вязниковском уезде было мало, местное уездное земство не имело возможности открывать их в каждой волости. Между тем, проблема здравоохранения в Юже была более острой, чем в обычных земледельческих селениях, т.к. фабричный труд порождал целый ряд специфических профессиональных заболеваний, сокращавших продолжительность жизни человека. Балины на свои средства построили целый комплекс больничных учреждений, причем оказание медицинской помощи было бесплатным [5, с. 29]. Здание фабричной больницы доныне сохранилось на улице Советской и используется по своему прямому назначению.

Еще одним социальным учреждением была построенная Товариществом А.Я. Балина богадельня для престарелых работников предприятия. Она располагалась в одном здании с фабричной церковью. Беда заключалась только в том, что возможности этого заведения были весьма ограниченными, в него попадали десятки бывших рабочих, а в помощи нуждались сотни.

Культурно-просветительные учреждения, связанные с фабрикой, это, прежде всего, учебные заведения и досуговые учреждения. В Юже до наших дней сохранилось построенное фабрикантами из красного кирпича трехэтажное здание начального училища, в котором сейчас размещается школа № 3. Практически напротив нее находится здание народного дома, на которое нужно обратить более пристальное внимание. Фактически это был многофункциональный досуговый центр, в котором имелся большой двухуровневый зрительный зал с балконом, помещения для репетиций, занятий художественной самодеятельностью, а также исключительная по своему богатству библиотека [1, с. 64-65]. В настоящее время в клубе располагается работающий на общественных началах музей истории самодеятельного театра, который функционировал в Юже в начале XX в., работал в советские годы, радует зрителей своими спектаклями и в настоящее время.

В Юже несколько лет назад энтузиасты создали музей, а точнее музейную экспозицию, посвященную историческому пути города и района. Правда, основной ее темой являлась средневековая история, главное место в которой занимали связи Южского края с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, вотчина которого находилась в селе Мугреево-Никольское. Музей не являлся ни муниципальным, ни государственным, он существовал при архивном отделе районной администрации и располагался в здании этого учреждения.

В ходе краеведческих конференций в Юже, которые называются «Пожарскими чтениями», не раз озвучивались планы организации краеведческих экспозиций в городе и других населенных пунктах района. В частности, заслуживает внимания публикация Е.С. Змеевой и А.Е. Лихачева. В ней авторы изложили концепцию музея, в котором предусматривались археологический, этнографический, исторический сегменты экспозиции [2, с. 62].

На «Пожарских чтениях» в разное время были предложены и обсуждались другие идеи относительно музеификации района и создания следующих экспозиций:

- межрайонного музейного историко-ландшафтного комплекса «Балахонский тракт и вотчины князей Пожарских в их историческом развитии»;
- национального исторического парка князя Д.М. Пожарского в с. Мугреево-Никольское (с перспективой восстановления вотчинникова дома и приказничьего двора);
- системы натур-музеев Тезинского водного пути (шлюзов XIX в. и речного судоходства);
- мемориального центра русской воинской славы при Казанском храме Николо-Троицкой Борковской пустыни (с кадетским корпусом);
- восстановления храма-памятника Сретения Владимирской иконы Божией Матери на

МУЗЕЕФИКАЦИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

берегу озера Ламна как церкви, стоящей на месте ружного монастыря князей Пожарских;
— музей фабричного быта XIX века имени Балиных. [2, с. 62 - 63].

В самое последнее время в деле музеефикации исторического прошлого Южи произошли серьезные изменения. Во время проведения очередных «Пожарских чтений» 6—7 ноября 2015 г. была открыта экспозиция, состоящая из старинных фотографий, документов и исторических предметов, посвященных истории Южской прядильно-ткацкой фабрики и рода фабрикантов Балиных. Она была создана благодаря трудам группы энтузиастов и администрации Южского района. Экспозиция разместилась в самом центре Южи, в двухэтажном здании, нижний этаж которого занимала богадельня, а верхний — фабричная церковь. Для расширения этой музейной площадки имеются реальные перспективы, т.к. полностью освобожден второй этаж упомянутого выше здания церкви и богадельни. Данный проект, как нам представляется, свидетельствует, что для работы с населением могут успешно использоваться патриотические, боевые, трудовые и даже предпринимательские традиции, соответствующим образом поданные в рамках тематических экскурсий, которые еще предстоит подробно разработать.

Библиография

1. Балдин К.Е. Феномен фабричного поселка в дореволюционной России на примере Южи // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 1. К 450-летию Южи. — Иваново-Южа: Ид. «Референт», 2006. — С. 64-65.
2. Змеева Е.С., Лихачев А.Е. О концепции краеведческого музея Южского района // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 7. К 400-летию восстановления Российской государственности. — Иваново-Южа: Администрация Южского района, 2013. — С. 57-63.
3. История русской архитектуры. 2-е изд. — СПб.:Стройиздат, 1994. — 600 с.
4. Пашков Я.М. Товарищество мануфактур А.Я. Балина. Историко-статистический очерк: В память 25-летия учреждения товарищества. — М., 1911. — 132 с.
5. Южская Карелия. — Иваново: Изд-во «Ивановская газета», 2003. — 248 с.

References

1. Baldin K.E. Fenomen fabrichnogo poselka v dorevoliutsionnoi Rossii na primere Iuzhi // Pozharskii iubileinyi al'manakh. Vyp. 1. K 450-letiiu Iuzhi. — Ivanovo-Iuzha: Id. «Referent», 2006. — S. 64-65.
2. Zmeeva E.S., Likhachev A.E. O kontseptsii kraevedcheskogo muzeia Iuzhskogo raiona // Pozharskii iubileinyi al'manakh. Vyp. 7. K 400-letiiu vosstanovleniia Rossiiskoi gosudarstvennosti. — Ivanovo-Iuzha: Administratsiia Iuzhskogo raiona, 2013. — S. 57-63.
3. Istoriia russkoi arkhitektury. 2-e izd. — SPb.:Stroiizdat, 1994. — 600 s.
4. Pashkov Ia.M. Tovarishchestvo manufaktur A.Ia. Balina. Istoriko-statisticheskii ocherk: V pamiat' 25-letii uchrezhdeniia tovarishchestva. — M., 1911. — 132 s.
5. Iuzhskaia Kareliia. — Ivanovo: Izd-vo «Ivanovskaia gazeta», 2003. — 248 s.

МУЗЕИФИКАЦИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

В.А. Березина

Березина Вера Анатольевна (Санкт-Петербург, Россия) — аспирантка отдела современной истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук; Email: v.berezina2012@gmail.com

**В ПОИСКАХ МЕТОДА: ЭКСКУРСИИ НА ПРОМЫШЛЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ
ПЕТРОГРАДА-ЛЕНИНГРАДА В 1920-Е ГОДЫ¹**

В статье рассматривается становление методики экскурсий на фабрики и заводы, а также другие промышленные объекты Петрограда-Ленинграда. Отмечается, что руководители «культурного фронта» и методисты экскурсионного дела подчёркивали особую значимость производственных экскурсий в сфере школьного и внешкольного образования. Однако на протяжении 1920-х годов такие экскурсии были одними из самых сложных видов и для восприятия публики, и для их организации.

Ключевые слова: промышленная экскурсия, Петроград, Ленинград, методика экскурсии, культурно-просветительская работа.

V.A. Berezina

Vera Anatolievna Berezina (St Petersburg, Russia) — Postgraduate at Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Department of Contemporary History of Russia; Email: v.berezina2012@gmail.com

**IN SEARCH OF A METHOD: EXCURSIONS INTO INDUSTRIAL FACILITIES
OF PETROGRAD-LENINGRAD IN THE 1920s.**

The article considers the methodologies of excursions into factories and plants, as well as other industrial facilities of Petrograd-Leningrad. The author notes that the heads of "the cultural front" and the methodologists of excursion activities had emphasized the special importance of technical visits for school and out-of-school education. However, in the 1920s such excursions were among the most difficult types of excursions both for perception and for organization.

Keywords: industrial excursion, Petrograd, Leningrad, methodology of excursion, cultural and educational work.

Экскурсии на столичные производственные объекты организовывались педагогами для учащихся средних учебных заведений с начала XX века. Прежде всего, это были экскурсии на фабрики (гранитную, писчебумажную и др.) и заводы (кирпичный, Обуховский и др.). В первую очередь их совершали учащиеся реальных училищ, что объяснялось их специализацией

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-51-00012.

МУЗЕФИКАЦИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

— техническими науками. При этом педагоги гимназий также рекомендовали для посещения своим воспитанникам технические объекты. В ходе экскурсий для учащихся демонстрировались также достижения современного благоустройства города: Центральная телефонная, Водопроводная, электрические станции. Включение в учебные программы технических экскурсий можно объяснить и модой на достижения технического прогресса в начале XX века.

С 1910-х годов начали выпускаться брошюры с методическими указаниями по организации технических экскурсий на отдельные предприятия. Так, в 1914 году В.Н. Верховский, преподаватель Императорского женского педагогического института, а впоследствии известный советский химик, выпустил брошюру с указаниями по осмотру Санкт-Петербургскую фильтроозонной станции на Петроградской стороне, особое внимание в которой уделил высокой технологичности указанного объекта, подчеркнув, что для её обслуживания необходимы всего три смены по 12 человек [2, с. 12].

После революции 1917 года экскурсионная работа была официально признана одним из важных элементов школьного образования, стала значимым методом политико-просветительной работы с взрослыми. Руководящие советские и партийные деятели особо поддерживали развитие производственных экскурсий, являвшихся формой обучения школьников необходимым навыкам на практическом примере, а также были способом повышения квалификации взрослых участников экскурсий. Экскурсионный метод упоминался В.И. Лениным в 1920 году, который, конечно, в своих работах подробно данный вопрос не рассматривал. Он лишь отметил, что для скорейшего перехода к политехническому образованию в советской России необходимо организовать посещение ближайших к учебному заведению электрических станций и заводов [9, с. 229]. Более подробно останавливалась на вопросе организации промышленных экскурсий в своих статьях Н.К. Крупская. Она подчёркивала, что во время экскурсий важно было показать экскурсантам не только технику производства, но и организацию труда на производстве, разъяснить социально-экономическое положение рабочих и т.п. [8, с. 47,49].

Возможность организации промышленных экскурсий в Петрограде появилась с 1923 года в связи с тем, что производство стало постепенно восстанавливаться после разрухи периода революции 1917 года и Гражданской войны. Общая загрузка петроградской промышленности в 1921–1922 гг. равнялась 21%, а в первой четверти 1923 года достигла уже 38% от довоенного уровня [14, с. 3]

Оживление промышленности способствовало тому, что на экскурсионной конференции, состоявшейся 10 – 12 марта 1923 года в Петрограде, участниками-активистами экскурсионного дела обсуждался «вопрос о производственных экскурсиях, как наиболее ярком и конкретном способе производственной пропаганды, нуждающемся в усиленной проработке» [3, с. 177].

С 1924 года стали выпускаться пособия по проведению промышленных экскурсий. В советском Петрограде одними из первых таких руководств стали брошюры, изданные Коммунистическим университетом имени Г.Е. Зиновьева в серии «Библиотека экскурсанта». Они были предназначены для будущих советских и партийных работников — учащихся партийных школ. Автором двух руководств — на завод «Красный путиловец» и на Главную водопроводную станцию — стал Владимир Андреевич Тимофеев. Молодой инженер, выпускник Электротехнического института имени Александра III, он с 1922 года организовывал и проводил экскурсии в Коммунистическом университете. Поэтому два указанных методических пособия стали обобщением этого опыта. Тексты этого автора написаны хорошим литературным, образным языком. Им свойственна подробность изложения. Так, в тексте даны чёткие ука-

МУЗЕИФИКАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

зания о том, как и по какому маршруту необходимо осматривать завод, во сколько начинать экскурсию и пр. Текст каждой из экскурсий В.А. Тимофеев предваряет кратким историческим очерком. В методическом руководстве по посещению завода «Красный путиловец» представлен очерк развития энергетики и экономики металлургии железа, а в тексте рекомендаций по проведению экскурсии на Главную водонапорную станцию помещён исторический очерк о городском водоснабжении. Автором неоднократно подчёркивается значение рационализации хозяйства и механизации производства. Так, в тексте о Главной водопроводной станции представлен образ воображаемых водоносов, носящих около 280 вёдер в сутки, которых с успехом заменили механизмы [15, с. 26].

Автор ещё одного руководства, изданного Зиновьевским университетом — экскурсии на фарфоровый завод — была Вера Германовна Конради, искусствовед, переводчица, сотрудница Государственного Эрмитажа. С 1920 года — сотрудница Музейного отдела, руководившая экскурсиями по Эрмитажу. После закрытия секции она, как и В.А. Тимофеев, занималась экскурсионной работой Коммунистического университета [5].

При создании этого текста автор стремилась показать исторические аспекты развития производства, проследить эволюцию их форм. Фарфоровый завод, ещё полностью не отказавшийся от ручного способа производства своей продукции, представлял отличную возможность для современников «увидеть прошлое» [7, с. 3]. Конспект экскурсии состоял из трёх частей: примерного содержания вступительной исторической лекции (с разделом «положение рабочих», которое оценивалось как «исключительно благоприятное» [7, с. 8]), непосредственных рекомендаций по осмотру завода, пожеланий автора по осмотру музея завода. Как и конспекты В.А. Тимофеева, руководства В.Г. Конради также отличает подробность изложения.

В 1925 году в серии «Экскурсионная практика Ленинградского отдела народного образования» при участии сотрудников Центральной школьной станции гуманитарных экскурсий, которая занималась подготовкой и проведением значительной части обществоведческих, исторических, художественных школьных экскурсий по улицам города и в музеи Петрограда-Ленинграда, вышел сборник конспектов экскурсий для школьников на промышленные объекты. Он состоял из 15 разработок экскурсий для учащихся школ II ступени и являлся попыткой обобщения работы данной станции в сфере организации промышленных экскурсий [11, с. 3]. Перед авторами этих методических разработок была поставлена задача сместить акцент с производства «как такового» на освещение «вопросов эволюции человеческого труда и машины, а также вопросов экономики и народного хозяйства в целом» [11]. Техника производства должна была рассматриваться в тесной связи с общественно-экономическими отношениями.

Цикл из шести экскурсий Е.А. Ломакина, открывающий сборник, вполне соответствовал поставленной задаче. Он рассматривал производства — паровой двигатель и простейшие машины в пожарной части, швейную, кожевенную, сапожную, прядильную и ткацкую фабрики, электрическую мельницу и хлебный элеватор, а также машиностроительный завод — следуя логике: от простого производства к более сложному. В кратких, схематичных конспектах расписан порядок осмотра объектов, дано краткое содержание предварительной и заключительной бесед со школьниками, порядок осмотра объектов, приведены примеры вопросников для их самостоятельной работы. В экскурсиях автором рекомендовалось поднимать социальные и экономические вопросы: касаться формирования зарплаты рабочего, обсуждать гигиенические условия и т.п.

Указанный сборник содержал также и разработки отдельных экскурсий. Среди них были мероприятия, имеющие «историко-экономический» уклон — разработанные М.П. Вят-

МУЗЕИФИКАЦИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

киным экскурсиями на щёточные и корзиночные мастерские для слепых («Мануфактура») и на Лесопильный завод имени М.И. Калинина («Элементы промышленного переворота»), в ходе которых была предпринята попытка проиллюстрировать отжившие способы производства. Три экскурсии были связаны с темой транспортного сообщения: две — в Ленинградский порт (авторы — В.А. Фёдоров и Л.М. Капица) и одна — на железнодорожную станцию (автор — Л.М. Капица). Два конспекта экскурсий на водоочистительные сооружения — на Главную водопроводную и Фильтроозонную станции (автор — Л.М. Капица). Материал здесь также был дан очень схематично: конспект включал примерное содержание предварительной и заключительной бесед, указывалось место остановки группы, темы для рассказа, приводилась библиография.

Особняком в этом сборнике стоит художественно-производственная экскурсия по материалу бывшего музея А.Л. Штигица, разработанная коллективом из трёх авторов — В.Н. Аникиевой, О.Л. Тоддес и Ю.А. Якимовой. Необычен здесь подход к анализу и изучению произведений из фаянса и фарфора, заключающийся в рассмотрении их «с производственной точки зрения» [1, с. 66]. В ходе экскурсии по музею А.Л. Штигица руководителю экскурсии было предложено обратить внимание школьников на форму производства конкретного предмета, особенности материала, из которого он сделан, способы его обработки и росписи и т.п.

Заключительной является методическая разработка экскурсии на Сестрорецкий оружейно-инструментальный завод, разработанная Евг. Меркуловым, педагогом местной школы. Она представляет собой исследовательскую экскурсию — т.е. вопросник, адресованный для нескольких групп школьников, на вопросы которого они должны были ответить самостоятельно после проведённого ими исследования.

В 1925 году в той же серии «Экскурсионная практика ЛОНО» вышел сборник экскурсионных разработок «Экскурсии в современность». В нём, помимо конспектов экскурсий по городским улицам, рабочим посёлкам, городским домам и пр., есть и материалы промышленной экскурсии, разработанной З.А. Эдельштейн, на тему «Прядильная и трикотажная фабрика», [17]. Зинаида Алексеевна Эдельштейн к моменту работы над этим текстом уже имела большой педагогический и экскурсоводческий стаж, в 1922–1923 гг. была заведующей Центральной школьной станцией гуманитарных экскурсий в Петрограде. Разработанная ею экскурсия на фабрику «Красное знамя» на Петроградской стороне для старших классов школ I ступени должна была решить две задачи: «показать сложность такого предприятия как фабрика, отметить её элементы» и «выяснить современную организацию управления фабрикой, отметить культурно-просветительную работу на ней» [17, с. 146]. Эту методическую разработку отличает подробность изложения материала: где, что и как необходимо рассказывать экскурсоводу. В тексте был предложен вопросник, ответы на который дети должны были дать, исходя из собственных наблюдений. Автор обратился к вопросам оплаты труда рабочих, условий их труда, которые были охарактеризованы в основном как тяжёлые. При этом З.А. Эдельштейн завершила свой текст весьма оптимистично: «Фабрика встала уже на новый путь строительства, технике предстоит блестящее будущее, труд будет облегчён и производителен» [17, с. 154].

Таким образом, с 1924 года стали появляться пособия по организации и проведению производственных экскурсий, в которых помимо самого процесса производства рассматривались условия труда на предприятиях, зарплата рабочего и пр. Можно утверждать, что авторы руководств во многом следовали методическим рекомендациям по организации производственных экскурсий, данным руководителями «культурного фронта». Иногда экскурсия на завод становилась иллюстрацией курса по обществоведению, была демонстрацией отсталых

МУЗЕИФИКАЦИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

способов производства.

По имеющимся источникам сложно проанализировать, как руководства претворялись в жизнь и как экскурсии воспринимались школьниками. Однако отчёты экскурсионных структур, а также отзывы самих экскурсантов, опубликованные в периодической печати 1920-х годов, дают представления о практике внешкольных экскурсий (т.е. экскурсий для взрослых групп).

Отчёты экскурсионных структур Ленинградского Губернского политико-просветительного комитета и профсоюзных клубов, свидетельствуют о том, что экскурсанты в 1920-х годах больше посещали экскурсии на исторические, литературные и прочие гуманитарные темы, чем мероприятия, посвящённые техническим вопросам [12, с. 220; 18]. Во многом это было связано с проблемами организации последних. Часто фабрики и заводы, особенно крупные, не могли принять всех желающих, и группам просто отказывали в посещении. Тем экскурсантам, которым удалось попасть на промышленный объект, администрация предприятий, по замечанию автора статьи о производственных экскурсиях, часто «выделяла кого-нибудь для дачи объяснений», не заботясь о том, могли ли эти люди грамотно и квалифицировано объяснить материал [6; 16].

Непрофессионализм экскурсоводов становился причиной недовольства посещением экскурсий. Случались откровенно неудачные мероприятия. Об этом мы узнаем из статей, написанных самими экскурсантами. Так, после экскурсии на табачную фабрику один из её участников написал гневную статью, указав, что у посетивших производство сложилось «идиотское» впечатление от экскурсии, так как «понятия о производстве папирос» экскурсанты не получили [4]. Подобные случаи, конечно, вызывали нарекания со стороны организаторов экскурсий — представителей культкомиссий заводов. «Нередко предприятие, куда прибывает экскурсия, даёт очень плохого руководителя, — констатировал один из ленинградских культработников, — который, может быть, и хорошо знаком с расположением цехов, но объяснить толком ничего не может. <...> Так и уйдут экскурсанты, не узнав того, что их интересует» [16]. Бывали, как отмечал автор этой статьи, и совсем странные прецеденты, такие, как случай с экскурсантами фабрики «Красный ткач», пришедшими на фабрику «Работница»: «Руковод дошёл «красноткачевцев» до прядильного цеха и вдруг... смылся. Еле-еле обратно дорогу нашли...» [16]. Поступали и другие жалобы на «беспорядочный характер» и плохую организацию производственных экскурсий [13].

Подобные проблемы были характерны не только для экскурсий по промышленным объектам Петрограда-Ленинграда. Так, по заявлению методиста экскурсионного дела, на одном из заводов Москвы «экскурсовод ограничил свои объяснения тыканьем пальцев в расставленные машины с пояснениями: это — машина, это — станок» [6]. Понятно, что такие экскурсии не могли ни служить инструментом просвещения, ни стать средством производственной пропаганды. Неоднократно, поэтому, методистами предлагалось усилить подготовку профессиональных экскурсоводов путём открытия многочисленных курсов.

Таким образом, экскурсии по техническим объектам, методическая база которых была заложена ещё до революции 1917 года, в советские годы стали проводиться после возрождения промышленного производства, с 1923 года. С этого же времени начали появляться советские методические рекомендации по проведению подобных экскурсий. Однако, несмотря на то, что руководители «культурного фронта» и методисты экскурсионного дела подчёркивали особую значимость производственных экскурсий в сфере школьного и внешкольного образования, на протяжении 1920-х годов они были одними из самых сложных видов экскурсий и для вос-

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

приятия публики, и для их организации.

Библиография

1. Аникиева В.Н., Тоддес О.Л., Якимова Ю.А. Художественно-производственная экскурсия // Пособие для руководителей экскурсий. Сб. конспектов Центр. шк. станции гуманитарных экскурсий. Вып. II. Экскурсии в производства. — Л.: Изд-во книжного сектора ЛГОНО, 1925. — С. 66–72.
2. Верховский В.Н. Экскурсия на С.-Петербургскую фильтро-озонную станцию. — СПб.: тип. М. Волковича, 1914. — 12 с.
3. Вторая экскурсионная конференция в 1923 году // Коммунистическое просвещение. 1923. № 3 — С. 177.
4. Гневашев. Производственные экскурсии необходимо улучшить // Ленинградский рабочий. 1927. № 12. — С. 12.
5. Данные о сотрудниках ЦШСГЭ (по материалам Комиссии по прослушиванию руководителей при Петроградском экскурсионном институте 1923–1924 гг.) // ЦГАЛИ СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 60. Л. 116–119.
6. Зельдис А. Новые методы в проведении производственных экскурсий // Культурный фронт. 1924. № 6. — С. 24.
7. Конради В.Т. Экскурсия на государственный фарфоровый завод. Л.: рабочее издательство «Прибой», 1924. — 22 с.
8. Крупская Н.К. Экскурсионный метод при изучении вопросов, намеченных в схемах, принятых съездом соцвосов // Педагогические сочинения. Т. 3. М., 1959. — С. 47–54.
9. Ленин В.И. О политехническом образовании. Заметки на тезисы Надежды Константиновны [Черновик] // Полное собрание сочинений Том 42. — М., 1967, 5-ое изд. — С. 228–230.
10. Меркулов Евг. Экскурсия на Сестрорецкий оружейный завод // Пособие для руководителей экскурсий. Сборник конспектов Центральной школьной экскурсионной станции гуманитарных экскурсий. — Л., 1925. Вып. II. Экскурсии в производства. — С. 73–78.
11. От редакции // Пособие для руководителей экскурсий. Вып. II. Экскурсии в производства. — Л., 1925. — С. 3.
12. Отчёт за 1922–[19]23-й учебный год и краткий обзор пятилетней деятельности отдела. 1918-1923 / Петрогубисполком. Петрогр. губ. отд. нар. образования. — Пг., 1923. — 214 с.
13. Поменьше таких экскурсий // Ленинградский рабочий. 1927. № 14. — С. 12.
14. Промышленный Петроград. Обзор и итоги деятельности петрогр. пром-сти, торговли, сел. хоз., 1922 год. — Пг.: Изд. тип. Союза печатников «Красный печатник», [1923]. — 272 с.
15. Тимофеев В.А. Экскурсия на Главную водопроводную станцию Ленинграда. — Л., 1924. — С. 26.
16. Шебалков И. Увольте от таких экскурсий // Ленинградский рабочий. 1926. №2. — С. 11.
17. Эдельштейн З.А. Прядильная и трикотажная фабрика // Экскурсии в современность. — Л.: Издательство книжного сектора ЛГОНО, 1925 — С. 146–154.
18. Экскурсии, проведённые профсоюзными клубами за 1927 год ЛГСПС. Бюро статистики труда // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 6276. Оп. 12. Д. 465. Л. 207.

References

1. Anikieva V.N., Toddes O.L., Iakimova Iu.A. Khudozhestvenno-proizvodstvennaia ekskursiia // Posobie dlia rukovoditelei ekskursii. Sb. konspektov Tsentr. shk. stantsii gumanitarnykh ekskursii. Vyp. II. Ekskursii v proizvodstva. — L.: Izd-vo knizhnogo sektora LGONO, 1925. — S. 66–72.
2. Verkhovskii V.N. Ekskursiia na S.-Peterburgskuiu fil'tro-ozonnuuiu stantsiiu. — SPb.: tip. M. Volkovicha, 1914. — 12 s.
3. Vtoraia ekskursionnaia konferentsiia v 1923 godu // Kommunisticheskoe prosveshchenie. 1923. № 3 — S. 177.

МУЗЕФИКАЦИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

4. Gnevashev. Proizvodstvennye ekskursii neobkhodimo uluchshit' // Leningradskii rabochii. 1927. № 12. — S. 12.
5. Dannye o sotrudnikakh TsShSGE (po materialam Komissii po proslushivaniuu rukovoditelei pri Petrogradskom ekskursionnom institute 1923–1924 gg.) // TsGALI SPB. F. 53. Op. 1. D. 60. L. 116–119.
6. Zel'dis A. Novye metody v provedenii proizvodstvennykh ekskursii // Kul'turnyi front. 1924. № 6. — S. 24.
7. Konradi V.T. Ekskursiia na gosudarstvennyi farforovyi zavod. L.: rabochee izdatel'stvo «Priboi», 1924. — 22 s.
8. Krupskaia N.K. Ekskursionnyi metod pri izuchenii voprosov, namechennykh v skhemakh, priniatykh s"ezdom sotsvosov // Pedagogicheskie sochineniia. T. 3. M., 1959. — S. 47–54.
9. Lenin V.I. O politekhnicheskom obrazovanii. Zametki na tezisy Nadezhdy Konstantinovny [Chernovik] // Polnoe sobranie sochinenii Tom 42. — M., 1967, 5-oe izd. — S. 228–230.
10. Merkulov Evg. Ekskursiia na Sestroretskii oruzheinyi zavod // Posobie dlia rukovoditelei ekskursii. Sbornik konspektov Tsentral'noi shkol'noi ekskursionnoi stantsii gumanitarnykh ekskursii. — L., 1925. Vyp. II. Ekskursii v proizvodstva. — S. 73–78.
11. Ot redaktsii // Posobie dlia rukovoditelei ekskursii. Vyp. II. Ekskursii v proizvodstva. — L., 1925. — S. 3.
12. Otchet za 1922–[19]23-i uchebnyi god i kratkii obzor piatiletnei deiatel'nosti otdela. 1918-1923 / Petrogubispolkom. Petrogr. gub. otd. nar. obrazovaniia. — Pg., 1923. — 214 s.
13. Pomen'she takikh ekskursii // Leningradskii rabochii. 1927. № 14. — S. 12.
14. Promyshlennyi Petrograd. Obzor i itogi deiatel'nosti petrogr. prom-sti, trgovli, sel. khoz., 1922 god. — Pg.: Izd. tip. Soiuz pechatnikov «Krasnyi pechatnik», [1923]. — 272 s.
15. Timofeev V.A. Ekskursiia na Glavnuiu vodoprovodnuiu stantsiiu Leningrada. — L., 1924. — S. 26.
16. Shebalkov I. Uvol'te ot takikh ekskursii // Leningradskii rabochii. 1926. №2. — S. 11.
17. Edel'shtein Z.A. Priadil'naia i trikotazhnaia fabrika // Ekskursii v sovremennost'. — L.: Izdatel'stvo knizhnogo sektora LGONO, 1925 — S. 146–154.
18. Ekskursii, provedennye profsoiuznymi klubami za 1927 god LGSPS. Biuro statistiki truda // Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga. F. 6276. Op. 12. D. 465. L. 207.

К.М. Товбин

Товбин Кирилл Михайлович (Южно-Сахалинск, Россия) — кандидат философских наук, заведующий кафедрой общих дисциплин, Филиал Дальневосточного федерального университета в г. Южно-Сахалинске;
Email: kimito@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ СТОРОНА САХАЛИНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

В статье на основе методологии традиционалистской школы проводится анализ религиозного компонента сахалинского менталитета. Конфессии, составляющие духовное поле в Сахалинской области, условно разделяются на традиционные, традиционно-ориентированные и новаторские (в свою очередь, подразделяющиеся на модернистские и постмодернистские). Традиционные конфессии осуществляют ментальную укоренённость в условия обитания. Модернистские, напротив, тяготеют к извлечению от этой укоренённости; постмодернистские — переходят в виртуальное пространство, насыщенное иллюзорным семиотическим рядом, замещающим онтологические аналоги. Сахалинские религиозные организации с определённой долей приблизительности распределены по этим разрядам. На основе такой классификации, обобщая собственный опыт теоретических и прикладных исследований, автор выстраивает определённую мировоззренческую картину сахалинской ментальности и делает геополитические выводы о духовном состоянии и возможном будущем населения Сахалина.

Ключевые слова: Сахалин, традиция, традиционная духовность, конфессия, православие, католичество, протестантизм, новые религиозные движения, община.

К.М. Tovbin

Kirill Mikhailovich Tovbin (Yuzhno-Sakhalinsk, Russia) — PhD, Head of the Department of General Disciplines at the Far Eastern Federal University, Yuzhno-Sakhalinsk Branch;
Email: kimito@yandex.ru

RELIGIOUS ASPECT OF SAKHALIN MENTALITY

On the basis of the methodology of the traditionalist school the author analyzes the religious component of Sakhalin mentality. The confessions, composing the spiritual field of Sakhalin region, for convenience can be divided into traditional, traditionally-oriented and innovatory (in their turn they can be divided into modernist and post-modernist). The traditional confessions realize mental penetration into the living environment. The modernist ones, on the other hand, have a propensity to escaping from this penetration; the post-modernist confessions move to the virtual space rich in an illusory semiotic content substituting the ontological analogs. The Sakhalin religious organizations are approximately divided into these categories. On the base of this classification, generalizing his own experience of theoretical

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

and practical studies, the author builds a specific vision of Sakhalin mentality and concludes about the spiritual condition and the possibilities of the future development of Sakhalin.

Keywords: Sakhalin, tradition, traditional spirituality, confession, Orthodoxy, Catholicism, Protestantism, new religious movements, community.

Религиозный компонент сахалинской ментальности является совершенно неразработанной темой¹. Как правило, исследования сегодняшней религиозной ситуации в Сахалинской области не выходят дальше статистических подсчётов и ангажированных, идеологических антисектантских программ и памфлетов. Тем не менее, небывалый всплеск религиозности в 1990-х и переход сахалинских религиозных общин на местный культуuroобразующий уровень остались тёмными пятнами в гуманитарной сфере областных исследований. Влияние религиозного фактора на менталитет и мировоззрение не оспаривалось и не оспаривается даже убеждёнными атеистами и агностиками, и изучение его особо важно в нашем геополитически неуравновешенном регионе. Именно временщический характер сахалинской ментальности является центральной причиной грандиозных демографических подвижек в области с 1990 г. Цельное региональное самосознание, укоренённое в традиционных ценностях, является, напротив, причиной стабильности и неподвижности ментальности, её неподверженности сиюминутным влияниям, в основе которых — виртуальное формирование искусственных материальных потребностей.

Отталкиваясь от методологии Традиционалистской школы², все имеющиеся в области конфессии можно разделить на три разряда: (1) **традиционные**, (2) **стремящиеся к традиционности** и (3) **новаторские**. Оговоримся: мы отталкиваемся от философии традиционализма, а не от буквы современных правовых актов; с этой точки зрения традиционные конфессии своим мировоззренческим стержнем имеют *Традицию* — устоявшуюся цепь смыслопередач, действующую в аспекте *вертикальном* (ритуал, преемственности поколений, наличие жреческой касты) и *горизонтальном* (общинность, гендерное неравенство, иерархичность семьи и рода, кастово структурированное общество). В таком обществе Традиция — не система убеждений или стиль мироощущения, но *цельное умонастроение, тяготеющее к переустройству материального бытия под соответствие Высшим принципам, пропитывающим бытие*. При таком настрое быт, поведение, распределение семейных, половых и возрастных мест в обществе не нацелены на приоритетное удовлетворение материальных потребностей, тем паче потребностей, искусственно сфабрикованных информационными инструментами. В таком сознании появляются фундаментальные основания, не поддающиеся цивилизационной, политэкономической и даже информационной ломке; обобщённо эти нерушимые онтологические и феноменологические параметры можно обобщить как «Дух» (система духовных и религиозных способов самообнаружения индивида), «Кровь» (ощущение продолжающейся связи с мифологическими и реальными прародителями и следами их активности) и «Почва» (трансцендентная привязка к территории обитания, получение от неё жизнеутверждающей и социально-конструктивной энергии).

1 Некоторое исключения составляют социологические исследования: [1; 2; 6].

2 *Традиционалистская школа* отражена в системе учений Р. Генона, Ю. Эволя, Т. Буркхардта, Ф. Шуона, С.Х. Насра, А. Кумарасвами, Р. Кумарасвами, Ж. Борелля, В. Куинна, Дж. Катсингера, Г. Смита, М. Али Лахани, М. Седжвика, А.Г. Дугина, Ю.Н. Стефанова, В.В. Аверьянова, а также близких этой школе М. Элиаде, А. Корбена, М. Легенгаузена, иером. Серафима (Роуза), прот. И Мейендорфа, прот. А. Шмемана.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

Напротив, модернистское сознание лишено вышеименованных принципов. Модерн являлся целенаправленной и планомерной борьбой с Традицией, потому его основаниями стали мировоззренческие перевёртыши, обратно пропорциональные принципам Традиции: антропоцентризм (вместо теоцентризма), эволюционизм (вместо перманентизма или креационизма), профанный сциентизм (вместо жреческой «священной науки»), прогрессизм (вместо циклизма или регрессизма), жажда нового (вместо тяги к укоренённости и неподвижности), потребительское отношение к среде обитания (вместо трепета перед освящённым присутствием Сакрального порядком вещей), индивидуализм (вместо общинность как коллективного появления Священного). Неверно думать, что эти принципы являются продуктом атеизма или «научности» — они лежат в протестантски понимаемой «религии» — системе принципов и норм, исходящих из индивидуального осознания возможностей общения с Богом, *отстранённым* от мира. По этой причине современные постпротестантские религиозные организации можно считать такими же рычагами уничтожения Традиции, как и масс-медиа, капитализм и идеологию «Просвещения».

Исходя из выше заявленной дихотомии, распределим религиозные организации Сахалинской области.

1. Безусловно **модернистскими**, антитрадиционными являются протестантские организации, использующие посткальвинистскую тему взаимосвязи земной успешности и священных принципов бытия. В 1990-е, в эпоху «первоначального накопления капитала», эти организации, с лёгкой подачи иностранных миссионеров, утеснились на Сахалине: пресвитериане, «адвентисты седьмого дня», «новые апостолы», баптисты. Для мышления этих организаций свойственно отрицание Традиции как «язычества», «бабьих басен», «очевидной глупости». Учитывая образцовое уничтожение религии в области в советское время [9] и формирование, вследствие этого, самодостаточного секулярного мышления, вышеупомянутые организации легко заняли нишу в островном материалистическом менталитете, ищущем священной окраски как самоцели. В этом случае от верующего достаточно изменения образа жизни — отказа от наиболее вопиющих черт поведения, занятий и трудовой деятельности. Как только происходит выравнивание внешних параметров религиозности, в мышлении такого верующего формируется определённое *аксиологическое сито*, в просеивании которым вызовов внешнего мира и заключается вся духовная жизнь. В отношении Традиции в таком сознании выстраивается двойная цепь преград: к атеистической постсоветской инерции приплюсовывается свойственный всем «классическим» протестантам антиправославный антиязыческий пафос, приводящий к отрицанию или небрежности в отношении продуктов традиционного христианства: истории, книжности, иконописи, архитектуры.

Наиболее ярким примером этой ментальной группы являются «Свидетели Иеговы» — парахристианское, идеологическое, материалистическое сообщество, требующее от своих адептов верности внешним параметрам вероучения, в свою очередь, отождествляющегося с самой «святой организацией», точнее, с её руководством.

К разряду антитрадиционных религиозных организаций стоит отнести и **постмодернистские** религиозные движения и конфессии, борющиеся не только с Традицией, но и с пережитками Традиции в классическом протестантизме. Инструментом такой борьбы является не обычный буквоедский рационализм, но ирония, пренебрежение и вседозволяющая коллажность. К этой группе относятся харизматические и неохаризматические организации типа «Благодати», «Сунбогым», «Часовни победы» и пр. В этих деноминациях верующий старается выстроить собственную, ситуативную и подвижную связь с тем, кого он считает Богом. От

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

мышления такого верующего требуется не верность «аксиологическому ситу», но способность к интерпретации и игре, которые служат способами легализации адаптации неопротестанта к окружающему миру. Поскольку окружающему «миру» свойственны пластичные турбокапитализм, медиакратия, биополитика и информатизация, то текучесть и приспособленчество становятся отличительными ментальными чертами адепта вышеназванных конфессий.

К разряду постмодернистских религиозных движений, возвращающих в сознании своих адептов пластичность, вариативность и волюнтаристскую мозаичность можно отнести и популярные оккультные движения «Сахаджа Йога», «Общество сознания Кришны», «Церковь Иисуса Христа святых последних дней» (мормоны), а также феерически возникающие и никак организационно не оформленные неязыческие сообщества, грозящие перерасти в субкультуру.

Несомненно, при отсутствии Традиции как преграды, за постмодернистскими религиозными организациями — будущее, поскольку они лишены параметров, цепляясь за которые в обществах Модерна можно было затормозить их развитие: фиксированного членства, косной общинности, репрезентативности, иерархичности. Они построены на сиюминутном консенсусе между гуру и верующим, стремящемся не противопоставить «миру сему» некую систему вдохновляющих запретов (как в религии Модерна), но, напротив, постверующий стремится обрести своё место в окружающей реальности через эксплуатацию того, что в традиционной и модернистской религии считалось дефектом: *телесности* (выражающейся в харизматических «глоссолалии» и «исцелениях»), *дискретности мышления* (проявляющейся в неязыческой идеологической комбинаторике и в бытийственной комбинаторике харизматов), *принципиальной неукоренённости мышления* (антитрадиционный пафос всех неопротестантов).

2. Религиозные организации, тяготеющие к Традиции. В Сахалинской области это, в первую очередь, РПЦ МП, в которой пафос верности Традиции зачастую нивелируется политизацией [7; 11], сотрудничеством с органами власти в «охоте за ведьмами» [4; 14], внешней декларативностью [3; 10; 13] и провальной кадровой политикой. Стремление к общинности, составляющее яркое звено православного менталитета, на Сахалине не привело к обособлению православной части населения от «мира сего» ни на семиотическом, ни на бытовом и хозяйственном уровнях. Более того, само понятие «православный» в области чрезвычайно рыхлое, прерывистое, мозаичное. На феноменологическом уровне в сахалинском православном менталитете (как и в менталитете неоправославия вообще) наличествует серьёзное влияние постмодернистской духовности, описанной выше.

Иные варианты современного православия, являющиеся в континентальной России альтернативой и в некотором роде примером (РПЦЗ, РПАЦ, ИПХ), в Сахалинской области нет ни в организационном, ни в социальном плане. Современное православие как правило, ориентировано на миссионерство и виртуальное позиционирование [5; 12].

Католическая община, также декларирующая верность Традиции (хотя после II Ватиканского собора такое декларирование сущностно профанируется), в Сахалинской области является малой, замкнутой и этнической, объединяющей представителей и потомков польской и корейской диаспор, с небольшим вкраплением неопитов. Какого-либо серьёзного влияния на ментальность Сахалина эта община не оказывает.

Армянская Апостольская Церковь, представленная в области достаточно сплочённой армянской диаспорой, также достаточно замкнута и идейно деклассированна: она не имеет молитвенных помещений, регулярных богослужений, в ней не поставлено изучение армян-

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

ской культуры и языка. В основном, эта община объединена узко генетическим фактором, не позволяющим тиражировать сохранившиеся отщепы Традиции (например, общинность) вовне. В связи с отмечаемым религиоведами и богословами принципиальным адогматизмом современного армянского монофизитского учения, оно не может выстроить какие-то преграды Современности, использующей информационные и экономические рычаги уничтожения всякой традиционной ментальной привязке.

3. Осталось упомянуть сообщества, **сохранение Традиции** в которых является знаковой чертой и способом самоопределения верующих. Речь идёт, в первую очередь, о православном старообрядчестве, традиционном исламе, ламаистском буддизме и традиционных языческих верованиях [8]. Ни одно из этих направлений духовности не представлено в области на достаточном организационном и социальном уровне. Некоторую поправку этому обобщению могут предоставить мусульмане, однако формально зарегистрированная мусульманская община области, во-первых, до сих пор не имеет важнейшего знакового параметра идентичности — мечети (с регулярной молитвой); во-вторых, достаточно текуча в социальном плане — состоит из иммигрантов, сезонных рабочих, лишь некоторые из которых рассматривают Сахалинскую область как место своего укоренения; в-третьих, приезжающие в область мусульмане достаточно деклассированны и индифферентны в религиозном плане и не могут составлять — несмотря на численность — солидной социальной опоры исламскому изложению Традиции.

Таким образом, в религиозной стороне сахалинской ментальности сегодня доминируют уходящие антитрадиционные-модернистские и стремительно растущие антитрадиционные-постмодернистские религиозные модели, исключаящие цивилизационную, культурную, историческую и собственно ментальную привязанность к духовным основаниям Российского государства. С геополитической точки зрения, этот признак весьма драматичен: в отторгающейся от своих истоков стране, переходящей в виртуальное псевдобытие, продолжают оставаться локусы сопротивления Современности и сохранения Традиции; на Сахалине же нет ни таких тенденций, ни социальных сил, могущих эти тенденции осуществлять.

Библиография

1. Боровской Г.В. Специфика проявления религиозности среди различных социальных групп населения Сахалинской области // Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона: Сб.матер. НПК. — Южно-Сахалинск: Сах. обл. типогр., 2004. — С. 59-60.
2. Герасимчук Д.Н. Включённое наблюдение как метод изучения религиозных организаций (на примере организации «Свидетели Иеговы») // Сахалинская молодёжь и наука: Межвуз .сб. стат. / Сост. Конюхова Л.Н. — Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2009. — С. 186-189.
3. Гимро Я.В. Планирование семьи как одна из причин демографического кризиса в России // Демографические и социально-экономические проблемы России и Сахалинской области: Материалы НПК / Сост. Соловьёва Т.М. — Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2009. — С. 14-16.
4. Горбач В., прот. Опыт противостояния деструктивным сектам на Сахалине // Сахалинские Кирилло-мефодиевские чтения — 2010: Материалы I РНПК / Сост. Делова А.Ю. — Южно-Сахалинск, 2011. — С. 34-38.
5. Горбач В., прот. Церкви жизненно необходимо заниматься миссией в социальных сетях / Интерфакс-Религия [М., 1991-2008] URL: <http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=interview&id=203>.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

6. Коньков А.Т. Особенности современной религиозной ситуации в Сахалинской области // Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона: Сб.матер. НПК. — Южно-Сахалинск: Сах. обл. типогр., 2004. — С. 20-21.
7. Коршунова Н.Д. Взаимодействие администрации области с православием // Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона: Сб.матер. НПК. — Южно-Сахалинск: Сах. обл. типогр., 2004. — С. 57-59.
8. Пак Сын Ы. Проблемы сахалинской корейской семьи // Демографические и социально-экономические проблемы России и Сахалинской области: Материалы НПК / Сост. Соловьёва Т.М. — Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2009. — С. 43-46.
9. Потапова Н.В. Религиозная ситуация на Сахалине в годы советской власти (1925-1990) // Краеведческий бюллетень. — 2005. - № 3. — С. 43-60.
10. Родионов А., иерей. Роль православной семьи и воскресной школы в формировании христианских ценностей у детей и их родителей // Сахалинские Кирилло-мефодиевские чтения — 2010: Материалы I РНПК / Сост. Делова А.Ю. — Южно-Сахалинск, 2011. — С. 61-65.
11. Серафим (Скибин), игумен. Механизм взаимодействия власти и общества на опыте практической деятельности по духовно-нравственному образованию в рамках соглашения СахГУ МО РФ и Сахалинской епархии МП РПЦ // Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона: Сб.матер. НПК. — Южно-Сахалинск: Сах. обл. типогр., 2004. — С. 60-63.
12. Филонова А.А. Блоггерство как миссионерская деятельность // Сахалинские Кирилло-мефодиевские чтения — 2010: Материалы I РНПК / Сост. Делова А.Ю. — Южно-Сахалинск, 2011. — С. 42-43.
13. Юзеев Д., иерей. Духовные причины демографического кризиса // Сахалинские Кирилло-мефодиевские чтения — 2010: Материалы I РНПК / Сост. Делова А.Ю. — Южно-Сахалинск, 2011. — С. 23-25.
14. Юрина Д.В. Государство, православие, СМИ: нравственность как национальная политика // Роль православия в возрождении духовного самосознания населения Дальневосточного региона: Сб.матер. НПК. — Южно-Сахалинск: Сах. обл. типогр., 2004. — С. 63-64.

References

1. Borovskoi G.V. Spetsifika proiavleniia religioznosti sredi razlichnykh sotsial'nykh grupp naseleniia Sakhalinskoii oblasti // Rol' pravoslaviia v vozrozhdenii dukhovnogo samosoznaniia naseleniia Dal'nevostochnogo regiona: Sb.mater. NPK. — Iuzhno-Sakhalinsk: Sakh.obl.tipogr., 2004. — S. 59-60.
2. Gerasimchuk D.N. Vkluchennoe nabliudenie kak metod izucheniia religioznykh organizatsii (na primere organizatsii «Svideteli Iegovy») // Sakhalinskaia molodezh' i nauka: Mezhevuz.sb.stat. / Sost. Koniukhova L.N. — Iuzhno-Sakhalinsk: Izd-vo SakhGU, 2009. — S. 186-189.
3. Gimro Ia.V. Planirovanie sem'i kak odna iz prichin demograficheskogo krizisa v Rossii // Demograficheskie i sotsial'no-ekonomicheskie problemy Rossii i Sakhalinskoii oblasti: Materialy NPK / Sost. Solov'eva T.M. — Iuzhno-Sakhalinsk: Izd-vo SakhGU, 2009. — S. 14-16.
4. Gorbach V., prot. Opyt protivostoianii destruktivnym sektam na Sakhaline // Sakhalinskie Kirilo-Mefodievskie chteniia — 2010: Materialy I RNPК / Sost. Delova A.Iu. — Iuzhno-Sakhalinsk, 2011. — S. 34-38.
5. Gorbach V., prot. Tserkvi zhiznenno neobkhodimo zanimat'sia missiei v sotsial'nykh setiakh / Interfaks-Religiia [M., 1991-2008]. <http://www.interfaks-religion.ru/print.php?act=interview&id=203>.
6. Kon'kov A.T. Osobennosti sovremennoi religioznoi situatsii v Sakhalinskoii oblasti // Rol' pravoslaviia v vozrozhdenii dukhovnogo samosoznaniia naseleniia Dal'nevostochnogo regiona: Sb.mater. NPK. — Iuzhno-Sakhalinsk: Sakh.obl.tipogr., 2004. — S. 20-21.
7. Korshunova N.D. Vzaimodeistvie administratsii oblasti s pravoslaviem // Rol' pravoslaviia v vozrozhdenii dukhovnogo samosoznaniia naseleniia Dal'nevostochnogo regiona: Sb.mater. NPK. — Iuzhno-Sakhalinsk: Sakh.obl.tipogr., 2004. — S. 57-59.
8. Pak Syn Y. Problemy sakhalinskoii koreiskoi sem'i // Demograficheskie i sotsial'no-ekonomicheskie

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

problemy Rossii i Sakhalinskoj oblasti: Materialy NPK / Sost. Solov'eva T.M. – Iuzhno-Sakhalinsk: Izd-vo SakhGU, 2009. – S. 43-46.

9. Potapova N.V. Religioznaia situatsiia na Sakhaline v gody sovetskoj vlasti (1925-1990) // Kraevedcheskii biulleten'. – 2005. - № 3. – S. 43-60.

10. Rodionov A., ierei. Rol' pravoslavnoi sem'i i voskresnoi shkoly v formirovanii khristianskikh tsennosti u detei i ikh roditelei // Sakhalinskie Kirillo-Mefodievskie chteniia – 2010: Materialy I RNPK / Sost. Delova A.Iu. – Iuzhno-Sakhalinsk, 2011. – S. 61-65.

11. Serafim (Skibin), igumen. Mekhanizm vzaimodeistviia vlasti i obshchestva na opyte prakticheskoi deiatel'nosti po dukhovno-nravstvennomu obrazovaniiu v ramkakh soglasheniia SakhGU MO RF i Sakhalinskoj eparkhii MP RPTs // Rol' pravoslaviia v vozrozhdenii dukhovnogo samosoznaniia naseleniia Dal'nevostochnogo regiona: Sb.mater. NPK. – Iuzhno-Sakhalinsk: Sakh.obl.tipogr., 2004. – S. 60-63.

12. Filonova A.A. Bloggerstvo kak missionerskaia deiatel'nost' // Sakhalinskie Kirillo-Mefodievskie chteniia – 2010: Materialy I RNPK / Sost. Delova A.Iu. – Iuzhno-Sakhalinsk, 2011. – S. 42-43.

13. Iuzeev D., ierei. Dukhovnye prichiny demograficheskogo krizisa // Sakhalinskie Kirillo-Mefodievskie chteniia – 2010: Materialy I RNPK / Sost. Delova A.Iu. – Iuzhno-Sakhalinsk, 2011. – S. 23-25.

14. Iurina D.V. Gosudarstvo, pravoslavie, SMI: nravstvennost' kak natsional'naia politika // Rol' pravoslaviia v vozrozhdenii dukhovnogo samosoznaniia naseleniia Dal'nevostochnogo regiona: Sb.mater. NPK. – Iuzhno-Sakhalinsk: Sakh. obl. tipogr., 2004. – S. 63-64.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ**Ж. Л. Океанская, В. П. Океанский**

Океанский Вячеслав Петрович (Шуя, Россия) — доктор филологических наук, заведующий кафедрой культурологии и литературы Шуйского филиала Ивановского государственного университета; Email: ocean_65@mail.ru

Океанская Жанна Леонидовна (Шуя, Россия) — доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и литературы Шуйского филиала Ивановского государственного университета; Email: ocean_65@mail.ru

**МЕТАФИЗИКА ТУРИЗМА:
ТУРИЗМ КАК СПОСОБ ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ МИРА**

На первый взгляд, может показаться, что метафизика туризма — нечто подобное баскетбольному жрецу либо сакральному потребителю. Метафизическое измерение дьявольской арлекинады обусловлено тем, что место метафизики никогда не остаётся пустым: целокупность сущего продолжает по-своему звать человека, а потому символическое место духовной элевации в новой цивилизационной истории постепенно занимает обезьянство в формах неомифологии прогрессизма, теории эволюции, праксиса альпинизма и космонавтики.

Поэтому мы не сможем в полной мере понять истинное измерение философии путешествий или теологии паломничества, не вникнув мыслью прежде того в метафизику туризма: разумеется, мы и в этом случае будем заниматься, конечно, метафизикой, а не туризмом... В своё время Виндельбанд говорил, что не только мир идей Платона нам интересен — но и сам Платон нам интересен; однако же, постепенно в развитии последнего интереса был отодвинут мир идей, которым как раз и собираемся заниматься мы.

А потому не будем здесь ничего говорить о конкретике туристических маршрутов — займёмся туризмом по существу, совершенно не продуманному, отодвинутому современным сознанием и вообще забытому... Метафизические сущности не даны нам так, чтобы мы их прибрали в карманы и портфели — скорее уж, они сами довлеют над нами, и в этом смысле они подобны пройденным человечеством реликтовым путешествиям, вполне достойным своей благородной философии, философии путешествий, к которой и мы приложили свои ноги и руки [См.: 4]...

Но в значительной мере десакрализации мира и разрушению философского отношения к вещам способствует современная индустрия туризма: «Игнорируя ”небо“, — отмечал Оливье Клеман, — человек сегодняшнего дня вновь обретает ”землю“, символ этого — великие зимние или летние миграции туристических стад!» [2, с. 17]. Вопреки Хайдеггеру, забыт не манящий «просвет бытия», обольщающий нас с прежней интенсивностью желанием быть — забвению предана именно метафизика и присущее ей, согласно тому же Хайдеггеру, мудрое ориентирование...

Всё имеет свою метафизическую сторону, даже если последняя и не всегда улавливается сачками философского концептуализма. Но в мире, где постепенно на месте метафизики оказались «идеологии», а на месте космологии — «мировоззрения», от всего серьёзного лю-

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

дям хочется отдохнуть и место необходимости занимает необязательность. Вместо символики корней — ритуализированное скольжение... В этих условиях мы крайне редко задумываемся над основаниями повседневной реальности, начиная от так называемой обыденной «рутины» — и до того, что именуется в современном мире заманчивым словечком «экстрим». Когда современный культуролог пишет, что повседневность — единственное место, где человек встречается со священным [5], то явно предполагается, что священное метафизически старше и экзистенциально значительнее самой повседневности. Но какой культурно-исторический возраст имеют прыжки с парашютом? организованный пляжный отдых? индустрия туризма? Какой способ профанации Бытия лежит в основании того устройства человеческого мира, где путешествие («тур») становится «туризмом»? Его (как способа профанации Бытия, так и феномена туризма!) тысячелетиями не было в мировой истории: ни во времена Александра Великого, шедшего на край света; ни во времена Крестовых походов, направленных на освобождение Святой земли; ни даже во времена моряка из Йорка Робинзона Крузо... Паломничества в Мекку, в Иерусалим, хождения по монастырям, к святым источникам, странствия в поисках Китежа или Божьей правды — качественно иные по способу своего *непрофанированного* Бытия, нежели то, что наше сознание связало с туристической психологией, которая построена на базисном принципе «езде проездом».

Турист никогда не доедет — в глубочайшем смысле *прихождения к сути!* — до священного пасхального огня, даже если и окажется случайным свидетелем человеческой потасовки во круг непостижимых для профанов духовных событий. Туризм снимает само телеологическое напряжение любого путешествия, обесценивает саму метафизику путешествия, играя ценами на рынке бизнес-туров. Этот факт давным-давно бросает тень подозрения на всякую оправданность самого путешествия. Так, Лао-цзы говорил, что Вселенную можно познать, не выходя за пределы своего огорода — и, спустя много столетий, на эту тему по-своему отзывается кёнигсбергский домосед Кант. Эта тема заостряется у немецких романтиков, если вспомнить Новалиса, для которого Вселенная — внутренняя реальность метафизических странствий человеческой души; у американских трансценденталистов: прежде всего — у Эмерсона, объявившего путешествие раем для дураков. Она звучит по-своему у гениального «провинциала» Хайдеггера [6, с. 218–221] и у бесприютного Андрея Тарковского, для которого есть только один вид подлинного путешествия — в наш внутренний мир...

И всё-таки если туризм в экзистенциологическом смысле является до некоторой степени антонимом крае-*ведения*, то путе-*шествие* отнюдь не враждебно ни тропам родины, ни зову дальних странствий — подчеркнём, имеющих высшее метафизическое (хотя и не всегда достаточно внятное для кабинетной логики) оправдание и не лишённых качественной «меры» священного... Путь-*шествие* есть поэтому парадоксальное *укоренение* в пути. Оно в высшей степени серьёзно и обязательно. Если вспомнить профессиональный жаргон военных моряков, то надо заметить, что в их среде по морям не «плавают» (поскольку плавают нечто другое...), а — «ходят». Христос и святые также открывают нам образы *хождения по водам*. В качестве пере-*хода* может выступать пере-*лёт* на другой конец земли, но в качестве *про-лёта* может оказаться пеший поход на соседнюю улицу...

Все эти символические модели могут быть развиты и применены к самым разнообразным уровням человеческого существования. Так, если Генон высказывал глубинные соображения о катастрофической логике вырождения сакральных наук в профанные [1], то Хайдеггер великолепно показал, как они могут работать на уровне трансмутации фундаментальной науки в наукоёмкое производство: «Решительное развитие современного производственного

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

характера науки создаёт соответственно и новую породу людей. Учёный исчезает. Его сменяет исследователь, включённый в штат исследовательского предприятия. Это, а не культивирование учёности, придаёт его работе злободневность. Исследователю уже не нужна дома библиотека. Кроме того, он везде проездом. Он проводит обсуждения на конференциях и получает информацию на конгрессах. Он связан заказами издателей. Они теперь, между прочим, определяют, какие надо писать книги» [5, с. 99–100]. Как «последний великий романтик» (Ханна Аренд — о Хайдеггере), мыслитель мучительно ищет выход за пределы этого гибельного цивилизованного мира: в провинцию, в хижину — к альпийской родине, к высокогорью южного Шварцвальда...

Но ещё за сто лет до Хайдеггера и за полвека до Ницше и Маркса (философов, любивших символизм гор) «певец мировой скорби» Артур Шопенгауэр отмечал, что «философия — высокая альпийская дорога; к ней ведёт лишь крутая тропа чрез острые камни и колючие терния: она уединённая и становится всё пустынее, чем выше всходишь, и кто идёт по ней, пусть не ведает страха, всё оставит за собою и смело прокладывает себе путь свой в холодном снегу. Часто приходит он внезапно к краю пропасти и видит внизу зелёную долину: властно влечёт его туда головокружение; но он должен удержаться, хотя бы пришлось собственной кровью приклеить подошвы к скалам. Зато вскоре он видит мир под собою, и песчаные пустыни и болота этого мира исчезают, его неровности сглаживаются, его раздоры не доносятся наверх, — проступает его округлая форма. А сам путник всегда находится в чистом, свежем альпийском воздухе и уже видит солнце, когда внизу ещё — тёмная ночь» [7, с. 3].

Библиография

1. Генон Р. Царство количества и знамения времени. М.: Беловодье, 1994. — 304 с.
2. Клеман О. Отблески света: правосл. богословие красоты. — М.: Библейс.-богосл. ин-т святого ап. Андрея, сор. 2004. — 94, [1] с.
3. Новикова Н. Л. Культура повседневности: Теоретический аспект: Учебник. Саранск, 2004.
4. Океанская Ж. Л. Ословесненный космос отца Сергия Булгакова: философия имени в контексте поэтической метафизики конца Нового времени. — Иваново; Шуя, 2009. — 392 с.
5. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. — М.: Прогресс, 1986. — С. 93–118.
6. Хайдеггер М. Творческий ландшафт: Почему мы остаёмся в провинции? // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Сост. А. В. Михайлов. — М., 1993. — С. 218–221.
7. Шопенгауэр А. Новые Paralipomena: Отдельные, но систематически изложенные мысли о разного рода предметах. 1810 — 1860 // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6: Из рукописного наследия. — М.: «ТЕРРА — Книжный клуб»; «Республика», 2001.

References

1. Guenon R. Tsarstvo kolichestva i znamenii vremeni. M., 1994.
2. Clement O. Otbleski sveta. M., 2004. S. 17.
3. Novikova N. L. Kul'tura povsednevnosti: Teoreticheskii aspekt: Uchebник. Saransk, 2004.
4. Okeanskaia Zh. L. Oslovesnennyi kosmos ottsa Sergiia Bulgakova: filosofii imeni v kontekste poeticheskoi metafiziki kontsa Novogo vremeni. Ivanovo; Shuia, 2009.
5. Heidegger M. Vremia kartiny mira // Novaia tekhnokraticheskaiia volna na Zapade. M., 1986. S. 99–100.
6. Heidegger M. Tvorcheskii landshaft: Pochemu my ostaemsia v provintsii? // Khaidegger M. Raboty i razmyshleniia raznykh let / Sost. A. V. Mikhailov. M., 1993. S. 218–221.

7. Schopenhauer A. Novye Paralipomena: Otdel'nye, no sistematically izlozhennye mysli o raznogo roda predmetakh. 1810 – 1860 // Shopengauer A. Sobr. soch.: V 6 t. T. 6: Iz rukopisnogo nasledii. M.: «TERRA – Knizhnyi klub»; «Respublika», 2001.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

М.В. Зотова, А.Б. Себенцов

Зотова Мария Владимировна (Москва, Россия) — кандидат географических наук, научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН; Email: zotovam@bk.ru

Себенцов Александр Борисович (Москва, Россия) — кандидат географических наук, научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН; Email: asebentsov@gmail.com

**ЗАКАРПАТСКАЯ ОБЛАСТЬ: ПРАКТИКА ПРИГРАНИЧНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА НА ВОСТОЧНОМ ПОГРАНИЧЬЕ ЕС¹**

Статья посвящена анализу этнокультурных, исторических и социально-экономических факторов приграничного сотрудничества на восточных границах ЕС на примере Закарпатской области. В статье дана оценка демографическим и социально-экономическим показателям, проанализированы трансграничные градиенты на рассматриваемых участках границы, проведен анализ практики приграничной деятельности, включая оценку влияния границы на повседневную жизнь населения. Выявлено, что основными движущими силами трансграничного взаимодействия на изученных участках границы остаются выгоды использования перепадов цен на товары и услуги в разных странах и этнокультурная близость народов, проживающих по разные стороны границы.

Выделены основные вызовы приграничного сотрудничества, характерные для всего восточного периметра европейских границ.

Ключевые слова: экономика приграничного региона, приграничное сотрудничество, социально-экономические градиенты, Закарпатская область, Украина

M. Zotova, A. Sebentsov

Maria Zotova (Moscow, Russia) — PhD in Geographical Sciences, Research Associate at the Geopolitical Studies Laboratory of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences; Email: zotovam@bk.ru

Alexander Sebentsov (Moscow, Russia) — PhD in Geographical Sciences, Research Associate at the Geopolitical Studies Laboratory of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences; Email: asebentsov@gmail.com

¹ Работа выполнена при поддержке проекта РНФ №14-18-03621

TRANSCARPATHIAN REGION: CROSS-BORDER COOPERATION AT THE
EASTERN MARGINS OF THE EUROPEAN UNION

This article analyzes the ethno-cultural, historical and socio-economic factors, cross-border cooperation on the eastern borders of the EU as an example of the Transcarpathian region. The article assesses the demographic and socio-economic indicators, analyzes the cross-border gradients and the practice of cross-border activities including the assessment of the impact of the border on the daily lives of the population. The authors reveal that the main drivers of cross-border cooperation in the border areas in question are the benefits of using the differences in prices for goods and services in different countries and ethnic and cultural closeness of the peoples living on the opposite sides of the border. The authors describe the main challenges of cross-border cooperation typical for the entire eastern perimeter of the European borders.

Keywords: economy of the frontier region, cross-border cooperation, socio-economic gradients, Transcarpathian region, Ukraine

Объектом пристального внимания многих исследователей в последние годы становятся границы, статус и функции которых изменились в результате крупных геополитических трансформаций XX века, в том числе распада СССР, Югославии, Чехословакии, а также образования Европейского Союза. Изучение новых границ в Восточной Европе и России, эволюции их функций и роли в формировании политической повестки дня в постсоциалистических и постсоветских государствах приобрело особую актуальность в связи с задачами национально-государственного строительства.

Современные исследования границ ведутся на нескольких территориальных уровнях — глобальном, макрорегиональном, национальном, региональном и локальном [16]. В фокусе подобных исследований оказываются в первую очередь *приграничная деятельность*, связанная с трансграничными потоками и протекающая под влиянием близости границы; *пограничная политика*, под которой понимается выстраивание государственной и международной институциональной и правовой инфраструктуры; а также *сдвиги в идентичности и изменении восприятия границы* местными жителями [8, 25, 29]. На разных пространственных уровнях рассматриваются стимулы и ограничения приграничной деятельности, процессы внутренней и внешней территориальной интеграции. Важным аспектом исследований становится анализ экономических факторов, в том числе территориальных контрастов и структурных особенностей экономики приграничных регионов, определяющих сложившиеся трансграничные связи и перспективы развития различных форм экономического взаимодействия [1].

Рост территориальных контрастов между парами соседних регионов зачастую препятствует органичному региональному развитию, провоцирует возникновение незаконных видов деятельности (нелегальная миграция, контрабанда и др.) и может при определенных обстоятельствах дестабилизировать обстановку, вплоть до риска роста сепаратистских настроений [9]. Особенно остро этот вопрос стоит перед территориями, имеющими тесные этнокультурные и исторические связи с соседними государствами, отличающимися более высоким уровнем социально-экономического развития. Общая история и культура — хорошая основа для приграничного сотрудничества [5], но в случае возникновения кризисных ситуаций национальные меньшинства и их негласные лидеры превращаются в инфраструктуру неформального контроля над территорией [12]. В то же время чем ближе уровень экономиче-

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

ского развития соседних регионов, тем больше возникает предпосылок для успешного взаимодействия и сотрудничества [10].

Основная задача настоящей статьи — определить степень влияния различных факторов на развитие приграничного сотрудничества в Закарпатской области. Дана оценка демографическим и социально-экономическим показателям, проанализированы их трансграничные градиенты, кроме того, проведен анализ практики приграничной деятельности, включая оценку влияния границы на повседневную жизнь населения.

Основной информационной базой исследования стали региональные статистические материалы, программные документы приграничного сотрудничества, а также серии экспертных интервью, проведенных авторами с представителями власти, науки, бизнеса и некоммерческих организаций в Закарпатской области и в соседнем венгерском медье Сабольч-Сатмар-Берег в июне 2013 г.

Закарпатская область — часть восточной периферии Европейского союза и западной периферии постсоветского пространства. Государственная принадлежность и административные границы региона неоднократно изменялись вплоть до последнего времени. Территория Закарпатской области в разное время входила в состав Великой Моравии, Киевской Руси, Галицко-Волынского княжества, Венгерского королевства, Трансильвании (Семиградья), Турецкой империи, Австро-Венгрии, Чехословакии, Румынии, Советского Союза и современной Украины. Наиболее интенсивно она развивалась в составе Великой Венгрии (XII-XVI вв.), а затем в Австро-Венгрии. Полностью независимое государственное образование (непризнанная Карпатская Украина) существовало на этой территории только несколько дней в марте 1939 г. до оккупации венгерскими войсками весной 1939 г. [4]. После распада Союза область стала уникальным регионом современной Украины, граничащим сразу с четырьмя восточно-европейскими странами — Польшей, Словакией, Венгрией и Румынией.

Мозаичный национальный состав региона, сформировавшийся в условиях постоянного изменения государственной принадлежности, и особая идентичность населения, вызванная в том числе изолированностью орографическими причинами, оказывают значительное влияние на характер сотрудничества и плотность неформальных контактов с соседними странами.

Этническая структура населения Закарпатья претерпела определенные сдвиги: доля этнических меньшинств существенно сократилась вследствие ассимиляции и эмиграции, а доля украинцев выросла с 78,4% в 1989 г. до 80,5% в 2001 г. Тем не менее, одно из крупнейших меньшинств — русины² (в т.ч. бойки, лемки, гуцулы и др.) — оказывает существенное влияние на жизнь региона. Если по данным переписи 2001 г. их общая численность не превышала 10,2 тыс. чел. (менее 1% населения региона), то по оценкам представителей этнических объединений русин и некоторых экспертов [6] их гораздо больше — до 70 — 80%³. Свидетельством особой региональной идентичности стало голосование около 80% жителей Закарпатья за автономию области на региональном референдуме в 1991 г. Значительная часть населения тре-

2 Русины – группа восточнославянского населения Карпат, проживающая в Закарпатье, Восточной Словакии, Сербской Воеводине, юго-восточной Польше, Венгрии и северо-западной Румынии. Русин относят как к украинцам (мнение, распространенное в советской и современной украинской литературе), так и к отдельной этнической группе. Некоторые исследователи подчеркивали тяготение в прошлом русинов к русским и России, указывая на существовавшее в XIX веке среди русинов «москвофильское» движение, а также некоторые культурные и лингвистические особенности.

3 По оценкам Межрегиональной общественной организации «Объединение русинов», в конце 1979 г. в Закарпатской области насчитывалось 978 тыс. русин (78,4% населения региона).

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

бует признания русин отдельной от украинцев национальностью. На общегосударственных выборах регион существенно отличается по электоральному поведению от соседних областей Западной Украины⁴.

Венгерское и румынское меньшинства (соответственно 12% и 2,5% от всего населения области) также играют в регионе и особенно в районах их компактного проживания заметную роль. По данным последней переписи населения венгры в Береговском районе составляют 76% населения, в городе Берегово — 50%, а румыны в Тячевском и Раховском районах — 12,5%⁵. Венгры и румыны выступают с требованиями автономии, двойного гражданства и стремятся расширить свое представительство в районных и региональных органах власти.

Многokратная смена государственной принадлежности территории, сдвиги в расселении, изменение этнического состава населения оставили такой же глубокий след в культурном ландшафте региона, как и современная символическая политика, которая словно зеркало отражает восприятие и интерпретации исторических событий современной властью и местными сообществами. В контексте постоянного переосмысления прошлого на восточной границе ЕС, важными объектами исследования становятся исторические нарративы — монументы, памятные места, памятники реальным или вымышленным героям на приграничных территориях. В Закарпатской области с конца 1990-х гг. проводится активное изменение существующей системы исторических символов. В рамках политики центра множились символы исторической принадлежности Западной Украины к славянскому, а не румынскому или венгерскому культурному миру (памятник Т.Г. Шевченко и памятник закарпатцам — ликвидаторам последствий Чернобыльской катастрофы в Ужгороде и т.д.). В то же время для представителей отдельных групп национальных меньшинств знаки исторического единства с народом, живущим по другую сторону границы, имеют большое символическое значение. Яркими примерами являются памятник Стефану чел Маре⁶ в Солотвино, памятник Ференцу II Ракоци⁷ в Берегово, памятник Турулу⁸ в Мукачевском замке Паланок, памятники Шандору Петефи⁹, Августину Волошину¹⁰ и Александру Духновичу¹¹ в Ужгороде. Подобные символы хорошо заметны во всех районах компактного проживания данных национальных меньшинств.

Приграничное и многососедское положение не только дает регионам выгоды, но и порождает значительные риски (в т.ч. угроза сецессионизма, обезлюдения территории и вымывания наиболее активного населения). Оно требует повышенного внимания государства к приграничным территориям, часто выражающегося во введении специальных режимов хозяйствования. В 2000-е гг. для обеспечения приемлемого уровня социально-экономического

4 На Президентских выборах 2004 и 2010 г. В. Янукович получил в среднем в 2-4 раз больше голосов, чем в других регионах Западной Украины. На Парламентских выборах 2012 г. также победила «Партия регионов», которая в большинстве других областей Западной Украины не набрала и 20%.

5 Всеукраинская перепись населения 2001. <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/zakarpatia/>

6 Стефан III Великий (Штефан чел Маре) – господарь Молдавского княжества с 1429 по 1504 гг.

7 Ференц II Ракоци – князь Трансильвании, руководитель антигабсбургской национально-освободительной войны венгерского народа в 1703-1711 гг.

8 Турул – мифическая птица древних угров, которая по легенде принесла князю Ференцу II Ракоци, потерянный в битве меч.

9 Шандор Петефи – национальный поэт Венгрии, один из руководителей Революции 1848—1849 гг. в Венгрии.

10 Августин Волошин – Президент независимой Карпатской Украины 1939 г.

11 Александр Духнович – просветитель, поэт, священник, деятель русофильского русинского движения в Закарпатье.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

развития в Закарпатской области был введен режим Специальной экономической зоны (СЭЗ), стимулирующей развитие сборочных и сопутствующих производств (автосборка, производство комплектующих, электроники и электротехники) на основе беспошлинного импорта сырья и полуфабрикатов и льготного вывоза готовой продукции [12].

В рамках СЭЗ «Закарпатье» в Ужгородском и Мукачевском районах и их центрах в 2001 году были открыты сборочные предприятия крупнейших мировых машиностроительных компаний и производства электроники (Flextronics, Škoda, Yazaki, Jabil Circuit). Динамичному развитию предприятий способствовали не только налоговые преференции (отсутствие ввозной пошлины и НДС на импортное сырье и оборудование), но и выгодное географическое положение (близость к границам четырех европейских государств), а также наличие квалифицированной и дешевой рабочей силы. Однако, после смены власти в 2005 г. в результате «оранжевой революции», вопрос функционирования СЭЗ перешел в политическую плоскость. Эксперты доказали, что украинские СЭЗ неэффективны и связаны с массовыми нарушениями законодательства и коррупцией, а налоговые льготы использовались как средство поддержки центральной властью лояльных ей региональных элит. Из-за множества нарушений (в первую очередь это касалось «донецкого оффшора») специальный налоговый режим СЭЗ был заменен на режим простого авалированного векселя — отсрочку уплаты НДС и таможенной пошлины со сроком платежа до 90 дней. В результате ряд предприятий-резидентов закарпатской СЭЗ существенно сократили и даже свернули свою деятельность: закрыт завод «Flextronics» в Берегово, упали объемы производства на заводе «Еврокар» (Škoda), заморожены планы строительства новых производственных площадок заводов «Flextronics» и «Jabil», сокращены сотрудники и приостановлены зарубежные контракты завода «Yazaki». После ликвидации СЭЗ социально-экономическая ситуация в регионе заметно ухудшилась. Поэтому все чаще слышатся призывы к возобновлению ее деятельности на принципах экспортных зон промышленного типа.

Социально-экономические контрасты. Интенсивность и характер приграничного сотрудничества во многом зависят от экономических особенностей граничащих между собой территорий, социальной обстановки и демографической ситуации.

В Закарпатской области демографическая ситуация достаточно стабильна: за последние 10 лет регион испытал лишь незначительное изменение общего числа жителей¹². Уменьшение численности населения впервые было зафиксировано в 1995 г. и за 7 лет составило 30,4 тыс. чел. (–2,4%). Главной причиной стал миграционный отток населения в страны ЕС, другие регионы Украины и Россию, который за 1990–2012 гг. составил порядка 50 тыс. чел. и лишь частично был компенсирован естественным приростом. Сильнее всего (в среднем на 5–7%) сократилось население Ужгородского, Межгорского и Великоберезнянского районов и Берегово (рис. 1), в том

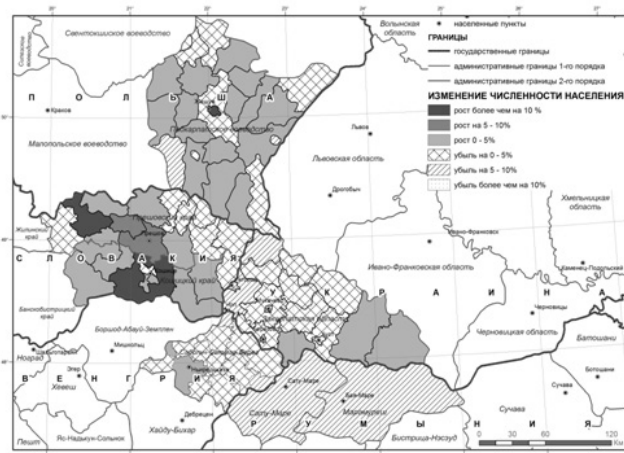

Рис. 1. Динамика численности населения Закарпатской области Украины и соседних регионов Польши, Словакии, Венгрии, Румынии (2001–2012 гг.). Рассчитано и составлено по: [13, 18, 23, 24, 27]

¹² За 1990–2012 гг. численность населения Калининградской области увеличилась на 7%, а Закарпатской – уменьшилась на 0,3 %.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

числе в результате эмиграции населения, в первую очередь, этнических венгров, пользовавшихся программами облегченного получения венгерского гражданства. Демографическая ситуация в области стабилизировалась после 2008 г., когда начался существенный подъем рождаемости. В 2012 г. естественный прирост достиг максимальных за последние 20 лет значений (+3,3‰) при все еще отрицательном миграционном балансе (-0,4‰). Демографическая ситуация в соседних районах Румынии, Польши и Венгрии в целом схожая: большая часть соседних регионов теряет население. Наиболее сложное положение наблюдается в румынских жудецах Марамуреш и Сату-Маре, где наряду с естественной убылью продолжается интенсивный миграционный отток населения. Более благополучны граничащие с Закарпатьем районы Кошицкого края Словакии, поскольку в их населении значительна доля цыган, у которых рождаемость по-прежнему высока.

В отличие от демографических показателей, которые в целом сопоставимы, различия в уровне экономического развития более заметны. Наибольшие контрасты наблюдаются в Закарпатской части пограничья: душевой ВРП (по ППС) уступает аналогичному показателю Кошицкого края в 4,5 раза, а Подкарпатскому воеводству — в 3,5 раза (табл. 1). Менее значительны контрасты на украинско-румынском участке границы: Закарпатье уступает соседним жудецам Румынии в 2,5 раза. В то же время по абсолютным значениям ВРП (по ППС) Закарпатская область сопоставима с соседними жудецами Румынии и медье Венгрии. Однако эти регионы являются одними из самых отсталых в экономическом отношении областей как в своей стране, так и в ЕС в целом.

Таблица 1. ВРП в приграничных регионах, 2011 г.

Регионы	ВРП, млн. нац. валюта	ППС	ВРП по ППС, млн. дол.	ВРП на душу, нац. валюта	ВРП на душу по ППС, долл.
Закарпатская область (Украина)	18054	3,4	5263,6	14455	4214,3
Сабольч-Сатмар-Берег (Венгрия)	817314	123,7	6609,9	1476000	11936,9
Прешовский край (Словакия)	5546	0,5	10874,6	6860,7	13452,4
Кошицкий край (Словакия)	7464,2	0,5	14635,7	9580,6	18785,5
Подкарпатское воеводство (Польша)	57028	1,8	31334,1	26801	14725,8
Жудец Марамуреш (Румыния)	8483,1	1,6	5269,0	17722,6	11007,8
Жудец Сату-Маре (Румыния)	6186,3	1,6	3842,4	17964,6	11158,2

Рассчитано и составлено по: [2, 13, 14, 18, 21, 23, 24, 27]

По уровню развития промышленности Закарпатская область также заметно уступает европейским соседям. Наибольшие градиенты наблюдаются на границе Украины со Словакией: индустриально развитый Кошицкий край опережает Закарпатскую область по объему промышленного производства почти в 9 раз. Даже отсталые относительно своих стран приграничные румынские жудецы и венгерский медье Сабольч-Сатмар-Берег имеют трех-четырёхкратный перевес над Закарпатьем (рис 2). На их фоне неплохо выглядит только Уж-

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

городский район, где производится 50% продукции области и сконцентрированы основные предприятия бывшей СЭЗ «Закарпатье».

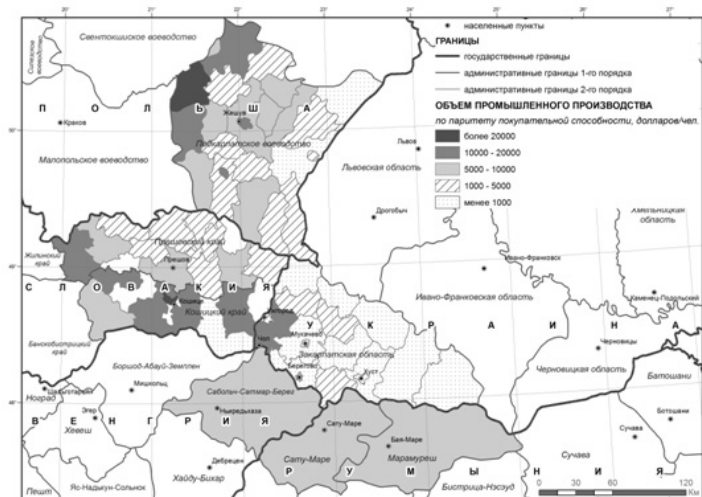

Рис. 2. Объем промышленного производства по ППС в Закарпатской области Украины и соседних регионах Польши, Словакии, Венгрии, Румынии (2012 г.).
Рассчитано и составлено по: [13, 18, 21, 23, 24, 27]

Социальная ситуация на российско-польском и российско-литовском участках границы также не отличается резкими контрастами. Уровень заработной платы в Калининградской области (по ППС) сопоставим с зарплатами в Клайпедском уезде и Варминьско-Мазурском воеводстве (см. табл. 2). На этом фоне немного выделяется лишь Поморское воеводство. Поляки в среднем несколько «богаче» россиян и литовцев, но литовское региональное сообщество менее сегрегированно по имущественному признаку, чем польское и российское.

Таблица 2. Среднемесячная заработная плата, 2012 г.

Регионы	Зарботная плата, нац. валюта	ППС	Зарботная плата по ППС, дол.
Закарпатская область (Украина)	2351	3,3	721,2
Сабольч-Сатмар-Берег (Венгрия)	162259	142,6	1137,8
Прешовский край (Словакия)	718	0,6	1237,9
Кошицкий край (Словакия)	853	0,6	1470,7
Подкарпатское воеводство (Польша)	3024,5	1,9	1559
Марамуреш (Румыния)	1389	2,0	687,6
Сату-Маре (Румыния)	1438	2,0	711,9

Рассчитано и составлено по: [2, 13, 14, 18, 22, 23, 24, 27]

Различия в уровне доходов между Закарпатской областью и соседними регионами ЕС

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

более существенны. Среднемесячная начисленная заработная плата (по ППС) в Закарпатской области в 2012 г. составляла чуть больше 720 долл., что в 1,5-2 раза меньше, чем в соседних регионах Словакии, Венгрии и Польши (см. табл. 3). Ее уровень сопоставим только с соседними наиболее «бедными» жудецами Румынии. Чуть выше, чем в среднем по области, заработная плата в Ужгороде, Чопе и Ужгородском районе, однако внутривнутрирегиональные градиенты (10-12%) существенно меньше трансграничных (рис. 3).

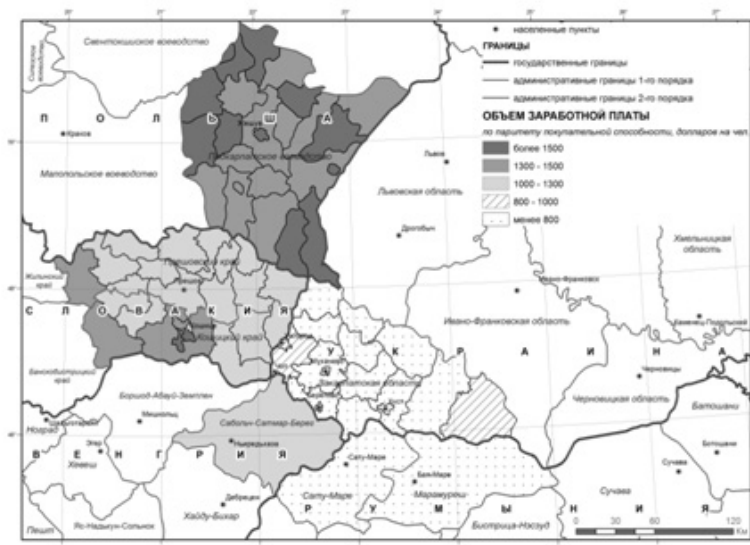

Рис. 3. Среднемесячная заработная плата по ППС в Закарпатской области Украины и соседних регионах Польши, Словакии, Венгрии, Румынии (2012 г.). Рассчитано и составлено по: [13, 18, 22, 23, 24, 27]

Таким образом, наличие существенных социально-экономических градиентов на восточном пограничье ЕС с соседями во многом определяет практику приграничного сотрудничества.

Практика приграничного сотрудничества изначально рассматривалась как способ компенсации острого социально-экономического кризиса, охватившего постсоветское пространство после распада СССР. С начала 1990-х гг. **на региональном уровне** под контролем центральных правительств государств шел процесс активного выстраивания **институциональной инфраструктуры и практик приграничного сотрудничества**. Закарпатская область в начале 1990-х была вовлечена в еврорегиональное строительство. В 1993 г. в Дебрецене было подписано Соглашение о сотрудничестве, которое предусматривало образование Карпатского еврорегиона, куда вошли приграничные районы Украины, Польши, Венгрии, Словакии, а в 1997 г. и Румынии. В 1994 г. создан Фонд развития Закарпатского региона, целью которого было поддержание контактов неправительственных организаций соседних стран, оказание взаимного технического и финансового содействия. Деятельность еврорегиона должна была включать решение общих проблем социально-экономического развития Карпатского региона, в частности, охрану окружающей среды, развитие туризма и рекреационной сферы. Однако эффективность еврорегиона также оказалась невысокой. По мнению украинских экспертов, основные причины — законодательная несогласованность, неразвитость институтов еврорегионального сотрудничества, а также низкая степень привлечения к сотрудничеству бизнеса, негосударственных и общественных организаций.

После расширения ЕС Закарпатская область была вовлечена в программы Приграничного сотрудничества, реализовывавшиеся по линии INTERREG, а также PHARE и TACIS. За-

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

карпатье участвовало в двух таких программах — «Венгрия-Словакия-Украина 2004 — 2006» и «Румыния-Украина 2004 — 2006». Основная часть проектов, отобранных при реализации этих программ, была направлена на сотрудничество в области охраны окружающей среды, развитие гражданского общества, культурные и научные обмены. Реализованные программы приграничного сотрудничества неоднократно подвергались критике со стороны экспертного сообщества. Эксперты отмечали, что проекты имели явный асимметричный характер: большая часть их средств расходовалась на территории стран ЕС с целью решения местных проблем, не оказывая серьезного воздействия на социально-экономическое положение соседних регионов, включенных в программу.

Проблема подобного перекоса в сотрудничестве уже неоднократно поднималась в научной литературе [11; 19; 28]. Ее отмечали и опрошенные авторами представители правительственных учреждений и некоммерческих организаций области. В первую очередь такая асимметрия обуславливается сильными социально-экономическими различиями с соседними странами ЕС. Финансирование первых программ приграничного сотрудничества осуществлялось ЕС, а соисполнители из Закарпатской области имели в проектах статус партнеров без финансового участия и поэтому не могли лоббировать свои интересы. К тому же центры принятия решений о распределении грантов и управления проектами также находились в странах ЕС. Не последнюю роль играли и общие для всего постсоветского пространства проблемы: недостаточный уровень развития гражданского общества, нехватка специалистов, способных вести международные проекты и делопроизводство на английском языке, низкий уровень правовой грамотности.

С переходом к финансированию с помощью Европейского инструмента соседства и партнерства (ENPI) Закарпатская область приняла участие в двух новых программах приграничного сотрудничества (2007 — 2013). Главная из них — программа «Венгрия-Словакия-Румыния-Украина 2007–2013» с общим бюджетом 66,6 млн. евро [15]. В ее рамках до 2015 г. должно быть реализовано 45 проектов на общую сумму 16 млн. евро. Менее значима с точки зрения влияния на приграничное сотрудничество программа «Польша-Белоруссия-Украина», поскольку Закарпатье не относится к «основной территории программы». Однако область смогла получить по ней 8 проектов на сумму 6,3 млн. евро. Программы были направлены на поддержку экономического и социального развития (включая активизацию туристской индустрии на приграничной территории и улучшение общих условий конкуренции в бизнес-среде), защиту окружающей среды, улучшение проницаемости границ, поддержку кооперации между представителями гражданского общества, неформальных связей и обменов в сфере образования и культуры (people-to-people cooperation).

С точки зрения содержания и практики реализации программы приграничного сотрудничества ENPI 2007 — 2013 гг. отличались от первых программ INTERREG, PHARE и TACIS (2004–2006 гг.) в лучшую сторону. Сравнительно небольшие по объемам финансирования «мягкие» проекты¹³ все чаще дополняются крупными проектами, направленными на модернизацию или создание современной инфраструктуры. В Закарпатье удалось решить вопрос финансирования строительства и реконструкции пунктов пропуска, имеющих важное экономическое значение как для области, так и Украины в целом — «Лужанка-Берегшурань» на украинско-венгерской границе, «Дьяково-Халмеу» — на украинско-румынской и «Ужгород-Вишне-Немецке» — на украинско-словацкой границе. Другие важные проекты были связаны

13 К «мягким» проектам в практике приграничного сотрудничества обычно относят различные культурные, научные и образовательные обмены, форумы, круглые столы, выступления творческих коллективов и пр.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

с решением актуальных для горных приграничных территорий вопросов, таких как организация противопаводковых мероприятий, внедрение нового управления водными ресурсами и сохранение лесного хозяйства.

Основными движущими силами **повседневного приграничного взаимодействия** на восточных границах ЕС остаются *экономический прагматизм* (выгоды использования перепадов цен на товары и услуги в разных странах) и *этнокультурная близость народов*, проживающих по разные стороны границы. По мнению многих экспертов, хорошее знание друг друга обеспечивает открытость для инвестиций и общность моделей ведения бизнеса и сотрудничества.

На украинско-венгерском участке неформальные, родственные и коммерческие связи активно поощряются венгерской стороной и находят выражение в многочисленных государственных программах поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. В г. Берегово с 1994 г. действует Закарпатский венгерский институт им. Фаренца II Ракоци, спонсируемый венгерским правительством. Финансируются различные проекты развития венгерского языка и культуры. С 2001 г. многие жители приграничных с Венгрией районов получили «карту венгра» или «зеленый паспорт»¹⁴, а с 2010 г. после упрощения Венгрией соответствующих процедур и венгерское гражданство. Повсеместное использование венгерских флагов и символов, венгерского языка и даже венгерского времени породило в соседних с Закарпатьем районах Венгрии известную шутку: «С кем граничит Венгрия? С Венгрией!». Так или иначе, *венгерско-украинское пограничье — зона особого, привилегированного приграничного сотрудничества*. Таким образом, трансграничный характер расселения этносов, проживающих в Закарпатье, создаёт значительный потенциал частных, в том числе и родственных контактов и становится основой приграничного сотрудничества как в области экономики, так и в области культуры.

На украинско-румынском участке экономика культурного региона Марамуреш немного отличается от остальной части Закарпатья. Источник благосостояния населения здесь — заработки в России (преимущественно в Сибири) или в Европе. Экономическая слабость румынских приграничных регионов (Сату-Маре и Марамуреш) не позволяет институализировать сотрудничество и реализовывать крупные совместные проекты, требующие больших высокорисковых инвестиций (например, развитие бальнеологического курорта в соляных шахтах Солотвино, возобновление местного трансграничного железнодорожного сообщения и т.д.). Трансграничное сотрудничество ограничено преимущественно челночной торговлей и культурно-досуговой сферой.

Для многих жителей приграничных районов Закарпатья с высокой безработицей и низким уровнем жизни челночный бизнес остается одной из важных сфер занятости. Это заставляет население использовать малейшие различия в уровне цен по обе стороны границы. На венгерско-украинской и польско-украинской границах по обе стороны до сих пор работает сеть контрагентов, заработка для челнока до 25 — 50 долл. за одно пересечение границы. Главные товары с украинской стороны — это бензин, сигареты, алкоголь, сладости, со стороны

14 «Зеленый паспорт» – неформальное название документа, который выдавался венграм, живущим или даже родившимся за границами Венгрии. Его могли получить все этнические венгры и члены их семей при условии знания истории и языка Венгрии и наличия подтверждений проживания предков на территории Закарпатья, когда оно находилось под протекторатом Венгрии. Этот документ дает обладателям массу преимуществ: право на работу и проживание в Венгрии без регистрации, бесплатный проезд, льготное обучение в вузах (в некоторых случаях бесплатное), медицинское обслуживание, и даже ежемесячное пособие на каждого несовершеннолетнего ребенка в размере около 120 долларов.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

стран ЕС — разнообразные продовольственные товары, продукция легкой промышленности, строительные материалы [26].

Другой пример использования украинцами выгод приграничного положения — повсеместное передвижение на машинах со словацкими номерами во избежание таможенных сборов и дополнительного налогообложения. Это, в свою очередь, стимулирует постоянные перемещения через границу, поскольку иностранная машина не может находиться на территории Украины больше определенного срока.

Усиление барьерности границы между Закарпатской областью и соседними регионами стран Восточной Европы после их вступления в ЕС привели к необходимости введения особых условий пересечения границы для жителей приграничных районов. Регламент Европейского Парламента и Совета от 20 декабря 2006 г. дал возможность государствам-членам ЕС заключать соглашения с соседними странами, устанавливая специальные правила местного приграничного движения (МПД)¹⁵ на внешних сухопутных границах.

Власти Украины первыми воспользовались новой возможностью для облегчения перемещения своих сограждан и к настоящему времени подписали соглашения о местном приграничном движении со всеми соседними странами — Венгрией (январь 2008 г.), Словакией (сентябрь 2008 г.), Польшей (июль 2009 г.), Румынией (апрель 2014 г.).

Сегодня в Закарпатской области наиболее эффективно работает соглашение о МПД с Венгрией, отличается большим охватом (до 50 км.) и простотой получения карт МПД. Ежегодно консульство Венгрии в Закарпатской области выдает жителям приграничных районов Украины порядка 12 тыс. таких карт. По данным Госпогранслужбы Украины, за последние полгода участниками МПД на украинско-венгерском участке границы стали порядка 1,5 млн. человек. По мнению опрошенных авторами экспертов Закарпатской области, для Венгрии МПД стало не только источником дополнительных доходов за счет увеличения числа приезжающих за покупками украинцев, но также и важным механизмом поддержания связей со своими соотечественниками.

На остальных участках успехи от введения МПД выглядят гораздо скромнее. На словацком участке количество пересечений границы в 7 раз меньше, так как процедура получения карточки МПД забюрократизирована, а разрешенная зона для передвижения составляет всего 30 км. На польском участке, несмотря на подписанные соглашения, режим МПД так и не запущен в связи с отсутствием в Закарпатье необходимой приграничной инфраструктуры.

Таким образом, евроинтеграционные устремления Украины, трансграничный характер расселения народов, составляющих основу закарпатского социума, не стали гарантом больших успехов в приграничном сотрудничестве Закарпатья с соседними странами. Этнические связи, которые хотя и позволяют достичь определенных результатов и появления зон привилегированного сотрудничества, в то же время способствуют сегрегации общества по национальному признаку. Принимая участие в программе ENPI, Закарпатская область постепенно движется по пути институализации приграничного сотрудничества и облечения его в цивилизные рамки, но это движение тормозится ограниченными финансовыми возможностями региона. Главной движущей силой на западных границах Украины по-прежнему выступает раз-

15 Малое приграничное движение (local border traffic) – особый режим для жителей приграничья (50 км от границы), позволяющий им при получении специального разрешения (карты МПД) посещать соседнее государство сроком не более 30-60 дней за одну поездку и не более 90 дней за полгода. Основание для введения малого приграничного движения – тесные родственные и человеческие связи между местными жителями по обе стороны границы.

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

ница в ценах на важнейшие потребительские товары, что способствует развитию различных видов приграничной торговли, в том числе и челночного бизнеса. Пользуясь терминологией Л.Б. Вардомского [3], такой тип сотрудничества можно назвать традиционным.

Существенной проблемой для Закарпатской области остается асимметрия приграничного взаимодействия. При существенных социально-экономических градиентах и недостаточном уровне развития гражданского общества сложно создать условия для равноправного партнерства, но ещё сложнее его реализовать.

Асимметрия заложена и в существующих моделях институционального сотрудничества, общие приоритеты которых определяются Европейским Союзом, а центры принятия важнейших решений находятся на территории европейских стран. Только европейская сторона имеет право определять стратегические задачи приграничного сотрудничества, в то время как восточным партнерам позволено лишь следовать в русле проводимой ЕС политики, выбирая из уже подготовленного для них перечня приоритетов.

С другой стороны, даже такое не вполне равноправное сотрудничество со всеми его рисками и издержками является источником новых возможностей для «слабых» партнеров. Оно позволяет ощутимо менять качество жизни в приграничных районах и способствует разрушению стереотипов и росту взаимного доверия, выстраиванию совместных бизнес-процессов, что в свою очередь может привести к формированию трансграничных функциональных регионов.

Библиография

1. Анисимов А.М., Вардомский Л.Б., Колосов В.А., Герцен А.А., Гриценко А.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. и др. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 4 (21). — С. 76–96.
2. База данных показателей муниципальных образований. Федеральная служба государственной статистики. 2013 — <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst27/DBInet.cgi#1>
3. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 216 с.
4. Вегеш М. Карпатська Україна. Документи і факти. — Ужгород: Карпати, 2004. — 432 с.
5. Гриценко А.А. Этнокультурный градиент и региональная идентичность в российско-украинско-белорусском порубежье // Известия РАН Сер. Географическая. 2011. №1. — С. 31–44.
6. Дуличенко А.Д. Карпатские русины сегодня: некоторые этнолингвистические аспекты // Славяноведение. 2005. №1. — С. 20–29.
7. Клемешев А.П. Российский эксклав на Балтике: эволюция эксклавности и поиск путей ее преодоления // Балтийский регион. 2009. №2. — С. 102–114.
8. Колосов В.А. Географические исследования государственных границ: новые вызовы и перспективы / Миграция в России: 2000-2012. Т.1, ч.2. М.: Спецкнига, 2013.
9. Колосов В.А. Зотова М.В. Российско-украинское пограничье: морфология, расселение, градиенты / Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. М.: Новый хронограф. 2011. — С. 99–141.
10. Колосов В.А. Зотова М.В., Себенцов А.Б. Структурные особенности экономики и градиенты социально-экономического развития приграничных регионов Беларуси, России и Украины // Известия РАН. Серия географическая. — 2014. - №5. — С. 32–46.
11. Себенцов А.Б., Зотова М.В. Потенциал ЭГП Калининградской области: ограничения и перспективы реализации // Балтийский регион, 2013 №4 (18), Škoda. — С. 113-131.
12. Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире //

ЛОКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

Полис. — 2012. — №2. — С. 31–46.

13. Статистичний збірник «Регіони України». (2012) Ч. I и II. — Київ: Держстат, 2013.

14. Database of Indicators. Statistics Lithuania. — 2013. URL: <http://db1.stat.gov.lt/statbank/SelectTable/omrade0.asp?SubjectCode=S3&PLanguage=1&ShowNews=OFF>

15. Hungary-Slovakia-Romania-Ukraine Cross-border Cooperation Programme 2007-2013. Joint Operation Programme ENPI. — Budapest, 2008. — 97 p.

16. Kolosov V. and Scott J. Selected Conceptual Issues in Border Studies // *Belgeo*. 2013, № 4. — P. 9–21.

17. Local Data Bank. Central Statistical Office of Poland. — 2013. URL: http://www.stat.gov.pl/bdlen/app/dane_podgrup.hier?p_id=945797&p_token=-1666235519

18. Melnik A. Institutional aspects of Ukraine and Poland's transborder cooperation: results and problems // *Regional transborder co-operation in countries of Central and Eastern Europe — a balance of achievements*. — Warsaw: PAS, 2006. — P. 117-137.

19. Official exchange rate (LCU per US\$, period average) — World Bank Database, 2013. URL: <http://search.worldbank.org/data?qterm=2263478>

20. PPP conversion factor, GDP (LCU per international \$). — World Bank Database, 2013. URL: <http://search.worldbank.org/data?qterm=2263478>

21. PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$). — World Bank Database, 2013. URL: <http://search.worldbank.org/data?qterm=1283456>

22. Regdat — Regional Statistics Database, Statistical Office of the Slovak Republic, 2013 URL: http://px-web.statistics.sk/PXWebSlovak/index_en.htm

23. Regional statistics. Hungarian Central Statistical Office. 2013 URL: https://www.ksh.hu/regional_statistics

24. Scott J. W. Euroregions, Governance and Transborder Co-operation within the EU // *European Research in Regional Science*. 2000. N 10. — P. 104–115.

25. Sowa B. Cooperation between small and medium-sized enterprises and other participants of the market in the Carpathian Euroregion // *Regional transborder co-operation in countries of Central and Eastern Europe — a balance of achievements*. Warsaw: PAS, 2006. — P. 159–165.

26. Sustainable Development Indicators at Territorial level for Romania (SDIT), 2013. URL: http://www.insse.ro/cms/files/IDDT%202012/index_IDDT_en.htm

27. Tanaka H. Carpathian Euroregion and Cross-Border Governance // *The Journal of Comparative Economic Studies*. 2006. Vol. 2. — P. 59-80.

28. Van Houtum H. Internationalisation and Mental Borders. // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 1999. Vol. 90. № 3. — P. 329–335.

29. Zdanowicz M. Local border traffic on the Polish section of the European Union external border. — Warsaw; Bialystok: Oficyna Wydawnicza ASPRA, 2014. — 226 s.

References

1. Anisimov A.M., Vardomskii L.B., Kolosov V.A., Gertsen A.A., Gritsenko A.A., Zotova M.V., Sebentsov A.B. i dr. Prigranichnoe sotrudnichestvo regionov Rossii, Belarusi i Ukrainy: sostoianie i perspektivy // *Evraziiskaia ekonomicheskaia integratsiia*. — 2013. — № 4 (21). — s. 76-96

2. Baza dannykh pokazatelei munitsipal'nykh obrazovani. Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki. 2013. <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst27/DBInet.cgi#1>

3. Vardomskii L.B. Rossiiskoe porubezh'e v usloviakh globalizatsii. — M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. — 216 s.

4. Vegesh M. Karpats'ka Ukraïna. Dokumenti i fakti. — Uzhgorod: Karpati, 2004. — 432 s.

5. Gritsenko A.A. Etnokul'turnyi gradient i regional'naia identichnost' v rossiisko-ukrainsko-beloruskom porubezh'e // *Izvestiia RAN Ser. Geograficheskaiia*. — 2011. — №1. — S. 31-44.

6. Dulichenko A.D. Karpatskie rusiny segodnia: nekotorye etnolingvisticheskie aspekty // *Slavianovedenie*. — 2005. №1. — S. 20-29

7. Klemeshev A.P. Rossiiskii eksklav na Baltike: evoliutsiia eksklavnosti i poisk putei ee preodoleniia // Baltiiskii region. – 2009. – №2. – s. 102-114
8. Kolosov V.A. Geograficheskie issledovaniia gosudarstvennykh granits: novye vyzovy i perspektivy / Migratsiia v Rossii: 2000-2012. T.1, ch.2.M.: Spetskniha, 2013.
9. Kolosov V.A. Zotova M.V. Rossiisko-ukrainskoe pogranich'e: morfologiya, rasselenie, gradienty / Rossiisko-ukrainskoe pogranich'e: dvadtsat' let razdelenogo edinstva. M.: Novyi khronograf. 2011. s. 99-141
10. Kolosov V.A. Zotova M.V., Sebentsov A.B. Strukturnye osobennosti ekonomiki i gradienty sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia prigranichnykh regionov Belarusi, Rossii i Ukrainy // Izvestiia RAN. Seriya geograficheskaya. – 2014. – №5. – s. 32-46
11. Sebentsov A.B., Zotova M.V. Potentsial EGP Kaliningradskoi oblasti: ogranicheniia i perspektivy realizatsii // Baltiiskii region, 2013 №4 (18), s.113-131
12. Sebentsov A.B., Kolosov V.A. Fenomen nekontroliruemyykh territorii v sovremennom mire // Polis. – 2012. – №2. – s. 31-46.
13. Statistichnii zbirnik «Regioni Ukraïni». (2012) Ch. I i II. Kïiv: Derzhstat, 2013.
14. Database of Indicators. Statistics Lithuania. – 2013. <http://db1.stat.gov.lt/statbank/SelectTable/omrade0.asp?SubjectCode=S3&PLanguage=1&ShowNews=OFF>
15. Hungary-Slovakia-Romania-Ukraine Cross-border Cooperation Programme 2007-2013. Joint Operation Programme ENPI. – Budapest. – 2008. – 97 p.
16. Kolosov V. and Scott J. Selected Conceptual Issues in Border Studies // Belgeo, 2013, N 4. P. 9-21.
17. Local Data Bank. Central Statistical Office of Poland. – 2013. http://www.stat.gov.pl/bdlen/app/dane_podgrup.hier?p_id=945797&p_token=-1666235519
18. Melnik A. Institutional aspects of Ukraine and Poland's transborder cooperation: results and problems // Regional transborder co-operation in countries of Central and Eastern Europe – a balance of achievements. Warsaw: PAS, 2006. – pp. 117-137
19. Official exchange rate (LCU per US\$, period average) – World Bank Database, 2013. <http://search.worldbank.org/data?qterm=2263478>
20. PPP conversion factor, GDP (LCU per international \$). – World Bank Database, 2013. <http://search.worldbank.org/data?qterm=2263478>
21. PPP conversion factor, private consumption (LCU per international \$). – World Bank Database, 2013. <http://search.worldbank.org/data?qterm=1283456>
22. Regdat – Regional Statistics Database, Statistical Office of the Slovak Republic, 2013 - http://px-web.statistics.sk/PXWebSlovak/index_en.htm
23. Regional statistics. Hungarian Central Statistical Office. 2013 https://www.ksh.hu/regional_statistics
24. Scott J. W. Euroregions, Governance and Transborder Co-operation within the EU. // European Research in Regional Science. 2000. № 10. — P. 104-115.
25. Sowa B. Cooperation between small and medium-sized enterprises and other participants of the market in the Carpathian Euroregion // Regional transborder co-operation in countries of Central and Eastern Europe – a balance of achievements. — Warsaw: PAS, 2006. — P. 159-165
26. Sustainable Development Indicators at Territorial level for Romania (SDIT), 2013. http://www.insse.ro/cms/files/IDDT%202012/index_IDDT_en.htm
27. Tanaka H. Carpathian Euroregion and Cross-Border Governance // The Journal of Comparative Economic Studies. 2006. Vol. 2. — P. 59-80
28. Van Houtum H. Internationalisation and Mental Borders. // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 1999. Vol. 90. № 3. P. 329-335.
29. Zdanowicz M. Local border traffic on the Polish section of the European Union external border. — Warsaw: ASPRA-JR, 2014. — P. 226

**СОВЕТСКОЕ, СЛИШКОМ СОВЕТСКОЕ:
РЕЛИКТЫ И СИМУЛЯКРЫ****В. П. Васильева**

Васильева Валентина Петровна (Новосибирск, Россия) – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета; Email: kaktus1945@mail.ru

**ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ЧИНОВНИКА В САТИРИЧЕСКИХ
МУЛЬТФИЛЬМАХ ЭПОХИ «ОТТЕПЕЛИ»**

Статья посвящена характеристике образа чиновника в советской мультипликации второй половины 1950-х – 1960-х гг. Выявляются основные черты, присущие данному образу. В статье предложены подходы к работе с анимационным текстом как источником изучения социокультурной истории Советского Союза, дается краткий анализ сатирических мультфильмов рассматриваемого периода, посвященных проблемам взаимоотношений властей различного уровня и общества.

Ключевые слова: советское общество эпохи «оттепели», анимация СССР, образ чиновника в советской культуре, проблема бюрократизма в Советском Союзе, анализ анимационного текста.

V. P. Vasilyeva

Valentina Petrovna Vasilyeva (Novosibirsk, Russia) – Postgraduate at the Department of Russian and World History, Novosibirsk State Pedagogic University; Email: kaktus1945@mail.ru

**THE IMAGE OF A SOVIET BUREAUCRAT IN SATIRICAL CARTOONS OF
THE KRUSCHEV THAW PERIOD**

The paper considers the characteristics of the image of a bureaucrat in the soviet multiplication of the late 1950s – the 1960s. The author reveals the main features of this image, offers the approaches to the work with animated text as a source of study of the socio-cultural history of the Soviet Union, and analyzes the satirical cartoons of the considered period devoted to the problems of interrelations between the authorities and the society.

Keywords: Soviet society of the Kruschev Thaw period, animation in the USSR, image of a bureaucrat in the Soviet culture, the problem of bureaucracy in the USSR, animated text analysis

В жизни советского общества большое значение имела официальная пропаганда, являвшаяся средством формирования «правильного мышления» у населения. Особенная роль в деле воспитания советского человека отводилась кинематографу. Способность кинематографа полностью погрузить зрителя в транслируемые события, создать у зрителя впечатление

СОВЕТСКОЕ, СЛИШКОМ СОВЕТСКОЕ:
РЕЛИКТЫ И СИМУЛЯКРЫ

очевидца событий, эмоциональная насыщенность кинотекста была оценена большевиками практически с первых лет прихода к власти. Первые десятилетия своего существования советское кино было полностью подчинено нуждам идеологического аппарата страны. С началом «оттепели» у кинематографистов появляется большая свобода в выборе тем, сюжетов и литературной основы картин. Теперь авторы фильмов имели возможность донести до зрителя собственный взгляд на окружающий мир, порой отличный от официальной идеологии. Поэтому, чтобы фильм прошел цензуру, сценаристам и режиссерам временами приходилось прибегать к различным ухищрениям. Например, переносить сюжет в другую эпоху, или вовсе — в сказочные или фантастические миры (особенно популярными эти жанры были в 1970-е – начале 1980-х гг.). Однако фильм, какой бы эпохе он ни был посвящен, всегда наполнен символами и культурными кодами своего времени.

Долгое время исследованиями кино занимались исключительно киноведа. Ситуация меняется с начала 1990-х гг., когда изучением кинематографа начинают заниматься специалисты из разных областей гуманитарного знания. Расширяется инструментарий исследований: при анализе фильмов используются методы из философии, культурологии, семиотики, истории, психологии. На Западе эти тенденции привели к формированию отдельного направления гуманитарных исследований — CinemaStudies. В нашей стране это направление пока только начинает развиваться.

И если в последние десятилетия появились работы отечественных исследователей, посвященные советскому игровому кино (А. Усманова, О. Усенко, Е. Сальникова, В. Сыров и др.), то советская анимация остается практически не изученным аспектом культуры СССР. Отечественные киноведа и ведущие режиссеры-мультипликаторы начали заниматься исследованиями мультипликации еще в 1960-е – 1970-е гг. (С. В. Асенин, И. П. Иванов-Вано и др. [1; 5]). Начиная с 1990-х гг., помимо киноведческих исследований (Н. Г. Кривуля, Г. Н. Бородин, С. В. Капков, Е. В. Сальникова и др. [7; 8; 3; 6; 11]), выходят работы историков и культурологов, посвященные анимации как элементу советского детства [9; 10], а также популярным героям мультфильмов как культурным явлениям своего времени [4]. Однако источниковый потенциал советской мультипликации гораздо шире, ведь именно авторы мультфильмов обладали большей свободой в выборе тем и средств передачи сюжета и характера персонажей, нежели авторы игрового кино. И дело здесь не только в специфике анимации как искусства «условного», где зритель принимает любые правила игры, не задумываясь, насколько они соответствуют реальности. Знаменитый художник-мультипликатор Л. Шварцман, вспоминая о работе на «Союзмультфильме», объясняет свой выбор профессии большей свободой творчества: «...в мультипликации цензуры практически не было. Высокое начальство обращало на нас мало внимания: «Вы, в коротких штанишках, идите, играйте в свои куколки» [13].

Период «оттепели» в анимации отмечен появлением сатирических мультфильмов на современную тематику, рассчитанных на взрослую аудиторию. В №10 журнала «Искусство кино» в 1961 г. выходит статья режиссера-мультипликатора Д. Бабиченко «Довольно мультштампов!», в которой автор призывает расширять зрительскую аудиторию анимационных фильмов и их тематику [2, с. 33–34]. Статья отразила общие настроения на «Союзмультфильме». К тому времени на студии сформировалось новое поколение режиссеров, которым было тесно в рамках только детской тематики, установленных в мультипликации сталинского периода. До конца 1960-х гг., когда цензура вновь ужесточается, на экраны выходит ряд мультфильмов, довольно остро критикующих советскую реальность. Одна из центральных проблем этих фильмов — человек во власти, бюрократизм во властных структурах.

СОВЕТСКОЕ, СЛИШКОМ СОВЕТСКОЕ:
РЕЛИКТЫ И СИМУЛЯКРЫ

Данная статья посвящена образу советского чиновника, изображенному в сатирических анимационных картинах второй половины 1950-х — конца 1960-х гг. На основе анализа мультфильмов мы попытаемся выявить основные характеристики, присущие чиновнику в представлении авторов этих мультфильмов. Как отмечает киновед Н. Г. Кривуля, «анимационное произведение создается в определенной социокультурной и исторической реальности и функционирует в ней в соответствии с теми условиями, которые она ему предоставляет. С этих позиций анимационное произведение является фрагментом этой реальности, материалом, несущим на себе ее отпечаток. Являясь неотъемлемой частью культуры и отдельного ее исторического периода, анимация открывает возможности для изучения ее материальной и духовной составляющих. Образы анимационных произведений, будучи созданными в тот или иной период, сохраняют яркие, точно подмеченные черты определенной социальной среды. Их герои — это конкретные типажи, порою более реальные и человечные, чем актеры игрового кино» [7, с. 342]. Поэтому типаж чиновника в мультфильмах второй половины 1950-х — конца 1960-х гг. являет собой отражение образа чиновничества в представлении советского общества означенного периода.

В качестве источника исследования мы взяли мультфильмы «Баллада о столе» (реж. Р. Давыдов, М. Калинин, 1956 г.); «В одной столовой» (реж. Г. Ломидзе, 1957 г.); «Большие неприятности» (реж. З. Брумберг, В. Брумберг, 1961 г.); «Баня» (реж. С. Юткевич, А. Каранович, 1962 г.); «Проверьте ваши часы» (реж. И. Аксенчук, 1963 г.); «Портрет» (реж. Р. Качанов, 1965 г.); «Жил-был Козявин» (реж. А. Хржановский, 1966 г.); «Иван Иваныч заболел» (реж. И. Ильинский, 1966 г.); «Знакомые лица» (реж. Ф. Епифанова, 1966 г.). При отборе фильмов основными критериями были: во-первых, принадлежность к жанру сатиры, которая отражает актуальные проблемы своего времени; во-вторых, наличие среди главных действующих персонажей представителей административно-управленческого аппарата.

При работе с таким специфическим источником как анимационные картины, которые являются художественным текстом, историк, несомненно, должен применять методы из разных гуманитарных дисциплин: семиотики, искусствоведения, филологии и т. д. Инструментарий исследования напрямую зависит от личности самого исследователя, его способности привлекать методы из других областей науки. Работ, посвященных анализу анимационных текстов в рамках социокультурной истории, на данный момент существует немного. Поэтому какого-либо общепринятого научного подхода к их изучению пока нет. М. Ромашова, например, предлагает использовать следующую методологию: «анализ изображения, текста, сопровождающего мультфильм; интерпретация мультфильмов с культурно-исторической точки зрения (какие идеи и каким образом воплощены в мультфильме; кого или что символизирует герой и / или антигерой; каковы социальные, эстетические, визуальные конвенции времени, в котором создавались мультфильмы, атрибуты и символы эпохи)» [10, с. 117]. Н.Кривуля в своей работе использует методы семиотических концепций С. Лангер, Э. Кассирера, Ч. Пирса и текстуальных теорий М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Ж. Дерриды, Ю. М. Лотмана. Согласно данным теориям: «произведение наделяется относительностью и множественностью значений, так как в структуре текста взаимодействуют несколько культурных кодов. Фильм в процессе создания и интерпретации (прочтения) детерминирован историко-социальными процессами и философско-эстетическими системами автора и интерпретатора, создающими контекстуальные значения» [8, с. 9]. А. Усманова отмечает, что историк при работе с фильмами должен владеть основами истории и теории кинематографа [12]. Основываясь на предложенных методах работы с анимационными и кинематографическими текстами, мы в своем исследовании

СОВЕТСКОЕ, СЛИШКОМ СОВЕТСКОЕ: РЕЛИКТЫ И СИМУЛЯКРЫ

довании применили следующую методологию:

1. Установление причин и мотивов создания фильма.
2. Выявление образа автора (авторов). В роли автора может выступать и заказчик (в советской мультипликации — это различные государственные структуры).
3. Установление целевой аудитории фильма (кому адресована картина).
4. Изучение истории создания, то есть всего хода работы от литературного и режиссерского сценариев до приемки на художественном совете студии и выхода в прокат.
5. Реакция зрителей, критики и властей на момент выхода мультфильма.
6. Дальнейшая судьба фильма, то есть то, как он воспринимался последующими поколениями зрителей.
7. Применение полученных результатов к объекту своего исследования, в данном случае — выявление образа чиновника в анимационных фильмах второй половины 1950-х – конца 1960-х гг.

Итак, какие характеристики составляют типаж советского чиновника в мультфильмах недолгой эпохи «оттепели»? Центральная проблема во всех вышеназванных мультфильмах — это бюрократизм во всех его проявлениях: канцелярщина, волокита, бездумная, механическая исполнительность, протекционизм, извлечение материальной выгоды от занимаемой должности и т. д. Пожалуй, самым ярким олицетворением чиновника-бюрократа в отечественной анимации является главный герой фильма А. Хржановского «Жил-был Козявин» (ил. 1). Бездумно исполняя распоряжение руководства разыскать некоего Сидорова, Козявин огибает земной шар. «Это некий тип «советского робота», бездушный механизм бюрократической машины, существующей вне рамок конкретной системы. Его движение есть выход за пределы определенного пространства и общества. Для движения этой машины к отсутствующей, абсурдной цели нет границ, ни пространственных, ни временных» [8, с. 39]. Козявин предстает как метафора бюрократической машины. Угловатые, непропорциональные очертания фигуры, резкие черты лица, механистичность движений, отсутствие каких-либо эмоций подчеркивают внутреннюю пустоту героя. Примечательно, что остальные персонажи, которых встречает Козявин на своем пути — рабочие, музыкант, поэты и писатели, ученый, — наделены

Ил.1. Главный герой фильма «Жил-был Козявин» (реж.А. Хржановский, 1966 г.).

более яркими, выразительными чертами, некой «духовностью». Они являются творцами: музыки, искусства, новых зданий, научных открытий. Козявин же лишь бездумно выполняет указание начальника. Авторы противопоставляют его другим героям, т.е. бюрократическая машина ставится в оппозицию к обществу и окружающему миру.

Исследователи и мультипликаторы отмечают, что Козявин для своего времени стал нарицательным образом, «приблизился к таким вершинам игровой сатирической кинокомедии, как Бывалов и Огурцов» [5, с. 218]. Мультфильм А. Хржановского стал настоящим прорывом в отечественной анимации. Это касается и эстетики фильма, и остроты затрагиваемой в нем

СОВЕТСКОЕ, СЛИШКОМ СОВЕТСКОЕ: РЕЛИКТЫ И СИМУЛЯКРЫ

проблемы. Благодаря относительной либерализации советской системы периода «оттепели» фильм вышел на широкий экран. Завершенный в 1968 г. фильм Хржановского «Стекло́нная гармоника», основным сюжетным конфликтом которого является противостояние искусства и диктаторской власти, был запрещен к показу цензурой на долгие годы.

Еще одним заметным явлением в отечественной анимации 1960-х гг. стала экранизация режиссерами С. Юткевичем и А. Карановичем пьесы В. Маяковского «Баня» (вышла на экран в 1962 г.). Это был уже не первый опыт работы С. Юткевича с произведениями В. Маяковского. Более того, на тот момент у режиссера уже был опыт постановки «Бани» в Московском академическом театре сатиры (1953 г.). Но сам режиссер считал, что именно анимация с ее практически безграничными художественными возможностями способна перенести на экран метафорический язык Маяковского лучше, нежели игровой кинематограф. «Баню» С. Юткевич называл «произведением политически остроактуальным» [14, с. 122].

Главная сюжетная линия фильма — столкновение молодых изобретателей с бюрократической машиной. Как и в картине А. Хржановского, чиновники показаны инертными, бездушными людьми. Однако в «Бане» появляется еще мотив взаимоотношений представителей власти различного уровня. Секретарь Главначпу́са Оптимистенко постоянно заискивает перед своим начальником Победоносиковым (ил. 2). Образ Победоносикова — это малообразованный руководитель «местного масштаба», который чувствует себя в пределах подвластной ему территории полным хозяином.

Большую смысловую нагрузку в мультфильме несут декорации. Яркой характеристикой

Ил.2. Начальник Главначпу́са товарищ Победоносиков (кадр из фильма С. Юткевича «Баня», 1962 г.).

Победоносикова является его квартира с абсолютно безвкусной обстановкой, призванной, видимо, демонстрировать социальный статус хозяина: фикус, клетка с канарейкой, большое количество кружев, стены розового цвета, обклеенные яркими картинками. Двойственную натуру чиновника, его истинный интеллектуальный и культурный уровень демонстрирует также книжный шкаф с изданиями классиков марксизма, который на самом деле оказывается бельевым, а переплеты книг — лишь фотографией на его дверцах. С. Юткевич позднее писал, что шкаф «возник как пародийное

отображение сегодняшних книжных полок, уставленных полными собраниями сочинений, выставленными для показа интеллектуального обличья их владельцев» [14, с. 127]. Отображением советской бюрократической системы стало в «Бане» здание Главначпу́са, с его бесконечными коридорами, рядами дверей, бронированными шкафами, парадными дорожками и замученными бегом по кабинетам посетителями. «Пирамида канцелярских ящиков увенчалась раструбом, куда опускает очередную бумажку неунывающий секретарь, и далее мультипликационные странствия этой бумажки по бюрократическим лабиринтам позволили охарактеризовать всю «идеальную» систему Главначпу́са» [14, с. 127].

Победоносиков не единственный «анимационный» чиновник, который злоупотребляет своей властью, по-хозяйски относится к подчиненным и посетителям. Главный герой мультфильма «Баллада о столе» — тихий и исполнительный служащий — получив повышение, немедленно преображается. С посетителями теперь он разговаривает высокомерно, грубо.

СОВЕТСКОЕ, СЛИШКОМ СОВЕТСКОЕ: РЕЛИКТЫ И СИМУЛЯКРЫ

Желая показать собственную значимость, герой отказывается утверждать присылаемые документы, не задумываясь о том, что от его подписи зависит работа целого предприятия. При метой своего времени можно назвать очередь в приемной новоиспеченного руководителя, в которой люди вынуждены сидеть неделями. Однако с более высоким руководством персонаж разговаривает доброжелательно, заискивает и всячески демонстрирует свое расположение. Внешность главного героя, как и в фильме А. Хржановского, не наделяется какими-либо яркими, запоминающимися чертами (ил.3). Это усредненный портрет чиновника, наделенный характерными с точки зрения авторов для представителя бюрократического аппарата чертами.

Ил.3. Кадр из мультфильма Р. Давыдова и М. Калинина «Баллада о столе», 1956 г.

Помимо перечисленных характеристик многие представители административно-управленческого персонала в мультфильмах стараются извлечь из своего положения материальные выгоды («В одной столовой», «Баня», «Большие неприятности», «Иван Иваныч заболел», «Знакомые лица»). В уже упомянутой «Бане» Победоносиков устраивает прием для иностранного туриста, выставляя на стол блюда, недоступные для большинства советских людей не только в 1920-е гг. (время действия пьесы), но и, пожалуй, на протяжении всего советского периода. Богатое застолье с дефицитными деликатесами показано и в новелле «Кот и

мышь» из картины «Знакомые лица». Иногда мультипликаторы подчеркивают достаток персонажей с помощью предметов, получить которые в 1960-е гг. в СССР могли лишь люди, занимающие высокую должность, либо имеющие соответствующие связи. Например, директор столовой («В одной столовой») живет в загородном доме; а сын руководителя предприятия в мультфильме «Большие неприятности», нигде не работая, является счастливым обладателем личного автомобиля.

Отражена в рассматриваемых мультфильмах и такая проблема, как нарушение закона представителями управленческого аппарата. Заведующий продуктовым складом кот Василий в новелле «Кот и мышь» («Знакомые лица») выносит со склада продукты, списывая их при учете (ил.4). А в мультфильме «Большие неприятности», где повествование ведется от лица ребенка, девочка рассказывает, что ее папа, видимо директор промышленного предприятия, «пустил налево холодильники». Надо отметить, что оба персонажа работают в сферах торговли и промышленности. Прямой критики за «нажитое нечестным путем» в отношении работников органов государственного управления в фильмах — как анимационных, так и игровых — нет. Это, конечно, не говорит об отсутствии нарушений закона представителями власти различного уровня. Во-первых, несмотря на относительную свободу творчества периода «оттепели», по-прежнему существовала жесткая цензура. Просто рамки дозволенного расширились от-

Ил.4. Зав. продуктовым складом Василий («Знакомые лица», реж. Ф. Епифанова, 1966 г.).

**СОВЕТСКОЕ, СЛИШКОМ СОВЕТСКОЕ:
РЕЛИКТЫ И СИМУЛЯКРЫ**

носителем сталинского периода. Решись кто-либо из режиссеров снять фильм на подобную тематику, работа свернулась бы уже на стадии приемки художественным советом сценария. Во-вторых, если мы вспомним образы работников сферы народного хозяйства в советском кинематографе второй половины XX в., то мы увидим, что воровство и «левый» доход — черта практически поголовная. Таково было устойчивое в глазах советского общества представление о представителях сфер торговли, обслуживания и хозяйственного обеспечения.

Итак, каков образ чиновника в советских сатирических мультфильмах второй половины 1950-х – 1960-х гг.? Это бюрократ, в чьем представлении канцелярщина и бумажная волокита заменила реальное содержание работы. Для него характерен низкий духовный уровень, безразличие, а порой и высокомерие по отношению к окружающим людям. Услужливость, вежливость и расторопность он демонстрирует только перед вышестоящим руководством или проверяющими инстанциями. Обладает невыразительной внешностью: мужчина (женщин-управленцев среди рассмотренных персонажей нет) средних лет, среднего телосложения, одет в серый или черный костюм. Типичный чиновник в анимационных картинах, добившись хорошей должности, заботится, прежде всего, о личной выгоде. У него есть доступ к дефицитным товарам, он имеет выгодные связи, уровень жизни чиновника выше, чем у большинства населения.

Задачей сатирических произведений является критика отрицательных явлений окружающей действительности. Потому столь негативный образ чиновника — это образ «плохого» чиновника. Авторы мультфильмов призывают бороться с бюрократизмом и местничеством. Но надо отметить, что ни в одном из фильмов отрицательному чиновнику не противопоставляется образ чиновника «хорошего», правильного. В основе сюжетного конфликта каждый раз лежит столкновение различных слоев общества с управленцами, которые отказываются вникать в суть их проблемы, тормозят работу и т.д. То есть бюрократический, административно-управленческий аппарат ставится в оппозицию к остальному обществу. Эпоха «оттепели» — это время новой волны революционной романтики, время масштабных экономических проектов (строительство ГЭС, новых промышленных предприятий, освоение целинных земель), начала освоения космоса, попыток реформирования системы. Противопоставляя чиновников и остальные категории общества, авторы мультфильмов представляют бюрократический аппарат как одну из основных проблем, тормозящих развитие государства.

Конечно, описанный выше образ чиновника не отображает полностью представлений о власти различного уровня в советском обществе второй половины 1950-х – 1960-х гг. Представители власти в художественных текстах зачастую, напротив, являлись персонажами положительными. Однако мы взяли за основу мультфильмы сатирического жанра потому, что в сатирических произведениях, как правило, отражены актуальные проблемы своей эпохи. Следовательно, бюрократизм во всех его проявлениях являлся одной из ключевых проблем советского общества периода «оттепели».

Библиография

1. Асенин С. В. Волшебники экрана. Эстетические проблемы современной мультипликации. — М.: «Искусство», 1974. — 288 с.
2. Бабиченко Д. Н. Довольно мультштампов! // Искусство кино. 1961. № 10. — С. 33–34.
3. Бородин Г. Н. «Мультфильм в рамке или Подневольная анимация». Фрагменты из книги URL: http://www.pilot-film.com/show_article.php?aid=47 (дата обращения 26.02.2015).

СОВЕТСКОЕ, СЛИШКОМ СОВЕТСКОЕ: РЕЛИКТЫ И СИМУЛЯКРЫ

4. Веселые человечки: культурные герои советского детства: сб. ст. / под ред. И. В. Кукулина. — М.: «Новое литературное обозрение», 2008. — 536 с.
5. Иванов-Вано И. П. Кадр за кадром. — М.: «Искусство», 1980. — 240 с.
6. Капков С.В. Энциклопедия отечественной мультипликации. — М.: «Алгоритм», 2006. — 816 с.
7. Кривуля Н. Г. Аниматология. Эволюция мировых аниматографий: [в 2 ч.]. Ч. 2. — М.: «Аметист», 2012. — 391 с.
8. Кривуля Н. Г. Лабиринты анимации: Исследования художественного образа российских анимационных фильмов второй половины XX в. — М.: «Грааль», 2002. — 295 с.
9. Притуленко В. В. Адресовано детям // Кино, политика и люди: 30-е годы. / Отв. ред. Л. Х. Маматова. — М.: «Материк», 1995. — С. 100–109.
10. Ромашова М. В. От истории анимации к истории детства в СССР: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. 2011. № 3– 17. — С. 114–119.
11. Сальникова Е.В. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты. Изд. 2-е. — М.: «Издательство ЛКИ», 2010. — 472 с.
12. Усманова А. Р. «Визуальный поворот» и гендерная история. URL: <http://refdb.ru/look/1985374.html> (дата обращения 26.06.2015).
13. Шварцман Л. А. «Я только сейчас расту». URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/234/kalashnikova.htm> (дата обращения 28.09.2015).
14. Юткевич С. И. Третье решение. Из творческого опыта работы над мультфильмами по сценариям и пьесам Маяковского // Проблемы синтеза в художественной культуре / под ред. А. В. Прохорова, Б. В. Раушенбаха, Ф. С. Хитрука. — М.: «Наука», 1985. — 283 с.

References

1. Asenin S. V. Volshebniekrana. Esteticheskie problemy sovremennoi mul'tiplikatsii. — M.: «Iskusstvo», 1974. — 288 s.
2. Babichenko D. N. Dovol'no mul'tshtampov! // Iskusstvo kino. 1961. № 10. — S. 33–34.
3. Borodin G. N. «Mul'tfil'm v ramkeili Podnevol'naia animatsiia». Fragmenty iz knigi. http://www.pilot-film.com/show_article.php?aid=47
4. Veselye chelovechki: kul'turnye geroi sovetskogo detstva: sb. st. / pod red. I. V. Kukulina. — M.: «Novoe literaturnoe obozrenie», 2008. — 536 s.
5. Ivanov-Vano I. P. Kadrazakadrom. — M.: «Iskusstvo», 1980. — 240 s.
6. Kapkov S.V. Entsiklopediia otechestvennoimul'tiplikatsii. — M.: «Algoritm», 2006. — 816 s.
7. Krivulia N. G. Animatologija. Evoliutsiia mirovykh animatografii: [v 2 ch.]. Ch. 2. — M.: «Ametist», 2012. — 391 s.
8. Krivulia N. G. Labirinty animatsii: Issledovaniia khudozhestvennogo obraza rossiiskikh animatsionnykh fil'mov vtoroi poloviny XX v. — M.: «Graal'», 2002. — 295 s.
9. Pritulenko V. V. Adresovanodetiim // Kino, politikailiudi: 30-e gody. / Otv. red. L. Kh. Mamatova. — M.: «Materik», 1995. — S. 100–109.
10. Romashova M. V. Ot istorii animatsii k istorii detstva v SSSR: postanovka problemy // Vestnik Permskogo universiteta. 2011. № 3– 17. — S. 114–119.
11. Sal'nikova E.V. Sovetskaia kul'tura v dvizhenii: ot serediny 1930-kh k seredine 1980-kh. Vizual'nye obrazy, geroi, siuzhety. Izd. 2-e. — M.: «Izdatel'stvo LKI», 2010. — 472 s.
12. Usmanova A. R. «Vizual'nyipovorot» igendernaiaistoriia. <http://refdb.ru/look/1985374.html>
13. Shvartsman L. A. «Iatol'koseichasrastu». <http://www.lechaim.ru/ARHIV/234/kalashnikova.htm>
14. Iutkevich S. I. Trete reshenie. Iz tvorcheskogo opyta raboty nad mul'tfil'mami po stsenariiam i p'esam Maiakovskogo // Problemy sinteza v khudozhestvennoi kul'ture / pod red. A. V. Prokhorova, B. V. Raushenbakha, F. S. Khitruka. — M.: «Nauka», 1985. — 283 s.

Д. Н. Замятин

Замятин Дмитрий Николаевич (Москва, Россия) — доктор культурологии, кандидат географических наук, главный научный сотрудник Отдела фундаментальных исследований культуры Российского научно-исследовательский института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва; Email: metageogr@mail.ru

ПУТЕШЕСТВИЕ: ПРОСТРАНСТВО, ОБРАЗ, РЕАЛЬНОСТЬ

Пространство и движение. Введение в контекст

Пространство возникает из движения — воображаемого, мысленного, метафизического, физического. В сущности, помыслить движение уже может означаться как акт изначального онтологического порождения пространства. Однако значит ли это, что пространство немислимо без движения, или же просто не существует без него?

Пространство может воображаться как что-то, несомненно, причастное движению; тем не менее, оно может быть источником и образом покоя, неподвижности, всякой «недвижимости». Всякий раз, когда затевается какое-либо движение, оно исходит, как правило, из некоей точки, пункта, места, которые в данном случае есть эквивалент конкретно, здесь и сейчас, воображаемого и понимаемого пространства. Такова первичная мыслительная позиция, которая, несомненно, может и должна быть модифицирована, изменена, развита в зависимости от рассматриваемой ситуации, в любом новом контексте.

Если представлять процесс воображения и мышления как безусловное движение, то соответствующие пространства формируются как динамические онтологические модели. В известной степени, можно говорить об онтологическом двуединстве, «сугубости» пространства и движения. Выражаясь упрощённо, условием возможности помыслить пространство является необходимость начала какого-либо движения; наряду с этим, движение выступает как онтологическая «процедура» опространствления, специализации воображения и мышления.

Абстрагируясь от дальнейших метафизических спекуляций, попробуем представить первичную обобщённую модель движения, основанную на пространственном воображении. При этом можно ориентироваться на наиболее легко представляемое физическое движение. Цель создания подобной ментальной модели заключается в определённого рода экономии мышления, коль скоро эти две исследуемые фундаментальные категории мыслятся параллельно и взаимосвязано. Такую модель можно также назвать пространственно-динамическим образом-архетипом.

Начиная двигаться, что-то или кто-то (субъект/объект или некая субстанция) начинает задавать, определять, фиксировать самого себя своим собственным пространством, размещаясь в нём. По сути дела, именно процесс размещения, взятый, «схваченный» в его онтологической коннотации, и есть «сердцевина» пространственно-динамического образа-архетипа. Место, постоянно, тотально, непрерывно меняющееся, является естественным пространством «двигающегося». Пространственные координаты, трансформирующиеся в ходе этого процесса, могут восприниматься как непосредственное выражение, актуальная репрезентация самого движения.

Всякое место, понимаемое онтологически, есть уникальное событие. Процесс размещения означает в таком случае «событийствование» пространству; пространство «бытует» и «событийствует» конкретному движению. Если двигаются отдельный человек, группа или коллектив, то можно говорить о сознании, постоянно размещаемом последовательностями пространственных событий. Сознание, личностное или групповое, может рассматриваться тогда как модель или образ размещения определённых событий. Иначе говоря, движение отдельного человека или человеческого сообщества может пониматься как со-бытие пространству в его непосредственном размещении. Осознание пространства как разворачивания непосредственно данной событийности есть непрерывная, непрерывающаяся результирующая движения, своего рода «дифференциальное уравнение» пространства и движения.

Онтологическая истина любого пространства — уходить, протягиваться, расширяться от самого себя, вне самого себя, вдоль самого себя; онтологически пространство всегда покинуто и уже оставлено — хотя и в самом себе, но в самом себе уже прошлом, хотя бы и представленным, воображенным также пространственно. Отсюда проистекает феноменологическая возможность создавать, порождать образы мест прошлого, которые находятся, собственно, уже вовсе не там — те места, сами по себе, уже не существуют, но не в силу «неумолимости времени», а просто по причине естественного растекания, перемещения, трансформации самого образа места, воссоздаваемого творцом. Именно поэтому любой творец, художник, гений (в широком смысле) творит образы места, как бы находящиеся «в дороге»; образы места, чьи первоначальные и дорогие сердцу художника приметы могут бережно воспроизводиться в совсем иных пространственных реалиях условного настоящего; и сами по себе персональные образы места представляют нам гения путешествующего, экзистирующего и определяющего своё место в мире посредством образно-географического передвижения.

Путешествие как образ / географический образ

Путешествие — объект и предмет интереса философии и многих гуманитарных наук. Целенаправленные передвижения человека вызывают одновременно изменения и смещения его сознания, установок его поведения. В подобном смысле путешествие — ключевой объект для географии и туризма, психологии, антропологии, культурологии и кросс-культурных исследований, социологии, востоковедения, филологии, философии, истории. На чем основан такой интерес?

Путешествие — это динамика пути, путевой стиль и путевые состояния. Во время путешествия происходит расширение сознания, обострение всех чувств. Эмоциональная энергетика, на которой держится путешествие, как бы заводит все моторы возможного восприятия. В ходе путешествия человек видит и чувствует по-другому, он расширяет пространство.

Путешествие отличается особой интенсивностью движения. Окружающее путешественника пространство постоянно им фрагментируется и расщепляется. Пространство становится «пазловым». Но эти пространственные «пазлы» одновременно образуют вязкую среду, сквозь которую держится путь. Движение возможно с некоторым сопротивлением, уплотняющееся самим путешественником пространство как бы сопротивляется ему. Путешественник видит объёмные «кубы» пространства, которые он раздвигает своими собственными усилиями.

Путешествие способствует самоорганизации образов пространства. Движение путешественника происходит одновременно в реальном и образном пространствах. Чем интенсивнее

КАФЕДРА

его движение, тем более взаимосвязанными становятся эти пространства. Вершина, идеал путешествия — отождествление реального и образного пространства, рождение образа самого путешествия.

Путешествие порождает свой собственный образ. Концепт путешествия — один из классических географических образов. Но географический образ путешествия уникален — в отличие от других географических образов в него включены механизмы осознания, осмысления пространства; внутри него есть собственный «двигатель». Поэтому путешествие само по себе географический метаобраз.

Будучи принципиально важным для понимания особенностей и закономерностей моделирования географических образов вообще¹, он предполагает также исследование образно-географической специфики самих путешествий как таковых — иногда даже вне зависимости от первоначальной установки и цели путешествия (туризм, экскурсия, научная экспедиция, торговая поездка и т.д.). В этой связи уместно выделить три основных аспекта в системе «путешествие (концепт путешествия) — географический образ»: 1) специфика географических образов путешествий, 2) структуры географических образов путешествий и 3) трансграничные географические образы.

Специфика географических образов путешествий

Путешествие, как правило, может способствовать созданию целенаправленных географических образов, в структуре которых доля чисто прикладных элементов и связей (физико- и экономико-географическая информация, статистические сведения и т.д.) может быть в значительной степени уменьшена. В то же время роль и значение культурных, эмоциональных, психологических элементов и связей может быть резко увеличена, что часто ведет к большей «выпуклости», рельефности, более сложной морфологии самого образа местности, страны, региона, через которые пролегал путь. Подобная структура географического образа означает, что большинство путевых записок, описаний, дневников может быть оценено не с точки зрения достоверности сообщаемых там сведений и фактов (часто довольно низкой), но с точки зрения мощи и яркости самого продуцируемого по ходу путешествия географического образа².

Несомненно, эти образы обладают большой мощностью и скоростью развития. Для них характерна особая структурность, стратифицированность, в них видны, как геологические породы, четкие и ясные слои впечатлений и переживаний. Географические образы путешествий отличаются сравнительной компактностью, простотой и надежностью, они тесно связаны со стереотипами — упрощенными географическими представлениями, выверенными и уплощенными длительным временем. Если Россия, то — медведи, клюква, снег и сорок соколов. Если Франция, то — Париж, мода, Д'Артаньян и вино. Однако эти образы тесно связаны с реальностью и быстро реагируют на всякие изменения вовне. Здесь важно выявить, как связаны географические образы путешествий с самими образами территорий, через и/или посредством которых рождается путешествие.

Путевые записки являются, как правило, богатейшим источником для выявления или создания образа территории. Это связано со специфической установкой самого путешествен-

1 См.: Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. — Смоленск: Ойкумена, 1999.

2 См. в этой связи: Строев А. Россия глазами французов // Логос. 1999. # 8 (18). — С. 19.

ника. Установка на движение, на восприятие географического пространства в динамике; необходимость постоянного дистанцирования от сменяющих друг друга объектов восприятия ведут к формированию динамического образа территории со значительным визуальным компонентом. В путевом образе территории также велика роль «реактивных» элементов, когда тот или иной ландшафт вызывает у путешественника реакцию, связанную с его фундаментальными социокультурными представлениями. Классический пример — записки маркиза де Кюстина о России. Следовательно, путевой образ территории может быть максимально насыщен социокультурными реалиями эпохи; в то же время он может реминисцентно включать в себя образы других территорий (там, где родился, жил, бывал путешественник), зачастую сильно удаленных от района путешествия. По сути дела, это образ-«матрешка», аккумулирующий наиболее яркие компоненты сразу нескольких образов. Основная специфика географических образов путешествий — это их тесное взаимодействие с образами территорий, через которые пролегает маршрут путешествия.

Структуры географических образов путешествий

Путешествие само по себе может быть (и в большинстве случаев им и является) масштабным и тонко структурированным географическим образом. Тщательно продуманное, строго целенаправленное и затем осуществленное путешествие представляет собой сложную и разветвленную систему генетически родственных географических образов. В географических образах путешествий постоянно происходят смещения различных образных слоев по отношению друг к другу, вытеснение некоторых старых слоев и появление новых. Часть старых слоев как бы срезается новыми, а сами слои могут выстраиваться лесенкой, характеризую образное восхождение самого путешественника. Так формируется образный калейдоскоп, т.е. целые образные «карточные колоды», при этом ни одна карта-отдельный образ не является единственным истинным географическим образом путешествия, а первоначально созданный образ подвергается по ходу путешествия различным морфологическим и структурным трансформациям. Такой процесс похож на описанный Клодом Леви-Стросом в структурном анализе мифов «бриколаж» — ни одна версия определенного мифа не является истинной, лишь вместе они образуют полное образное поле мифа³.

Географические образы путешествий, сбрасывая и отбрасывая «отработанные» слои, становятся бесконечными. Сами слои отражаются друг в друге, постоянно налагаются друг на друга. В итоге эти образы предстают как ряд бесконечных, нацеленных друг на друга зеркал. Пространство в результате как бы уходит полностью в географию, полностью усваивается ею в качестве образов, «рассасывается» без остатка.

Образы страны и образы путешествия

В структуре географических образов определенного путешествия образ местности и/или страны может играть очень существенную, но зачастую не доминирующую роль. Здесь, на наш взгляд, возможны следующие варианты: 1) литературное путешествие (например, «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Лоренса Стерна, «Записки русского путешественника» следовавшего ему Николая Карамзина и вся обширная традиция путевых

3 См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. — М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1985.

КАФЕДРА

записок эпохи сентиментализма⁴), когда первоначальная психологическая и социокультурная установка оказывается настолько сильной, что как бы съедает реальное путешествие и замещает его цепочкой геокультурных образов, характеризующих местность через эмоциональное состояние героя/автора произведения. Сюда же можно отнести пограничный жанр — дневниковые записи, в которых конкретное место (город, страна) в ходе затянувшегося путешествия могут служить «театральной сценой» переживаний и интеллектуальных метаний их автора — например, «Московский дневник» Вальтера Беньямина⁵; 2) образ путешествия моделируется первоначально на метауровне, а определенные местность или страна выступают в этом случае как экспериментальное образно-географическое поле. В ходе путешествия (вымышленного или реального) нарабатываются его специфические образно-географические признаки («аксессуары»), а результирующий образ путешествия впитывает в себя, в одной из фундаментальных страт, родовые образно-географические признаки осмысленной территории. Так, литературно-географическое пространство, описываемое Андреем Платоновым в романе «Чевенгур», есть в известном смысле образно-географическое поле, служащее фундаментом формирования метаобраза культовых путешествий главных героев романа⁶.

В ряде случаев надо говорить о геобиографии конкретной личности, складывающейся и создающейся в процессе анализа ее дневникового и/или эпистолярного наследия. При этом путевые записи и письма могут стать источником очень мощного географического образа экзистенциального путешествия, то есть путешествия, рассматриваемого в контексте и реального географического передвижения (перемещения), и этапов жизненного пути.

Трансграничные географические образы

Географические образы путешествий создают, фактически, самостоятельный тип или класс географических образов, который можно назвать также «трансграничными географическими образами»⁷. Это географические образы, которые заранее моделируются на метауровне их восприятия и осмысления, а само путешествие мыслится как «безразмерный» и в то же время единственно возможный способ адекватного представления географических знаний и информации. Например, создание образа русской Италии связано с моделированием условного метапутешествия, состоящего из отдельных текстов и текстовых фрагментов литературного, эпистолярного, мемуарного, живописного, графического характера, связанных в единое целое на уровне анаморфированного геокультурного (образно-геокультурного) пространства «Рос-

4 См.: Маслов В.И. Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII и начала XIX вв. // Историко-литературный сборник, посвященный В.И. Срезневскому. — Л., 1924; Роболи Т. Литература «путешествий» // Русская проза. — Л., 1926; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. — Л.: Наука, 1987. С. 525–607; особенно с. 561–563, 573–574 и 577.

5 Беньямин В. Московский дневник. — М.: Ad Marginem, 1997; также: Замятин Д.Н. Феноменология... — С. 263.

6 См. в этой связи: Замятин Д.Н. Империя пространства. Географические образы в романе А. Платонова «Чевенгур»...; также: Замятина Н.Ю. Локализация идеологии в пространстве (американский фронт и пространство в романе А. Платонова «Чевенгур» // Полюса и центры роста в региональном развитии. — М.: ИГ РАН, 1998. — С. 190—194.

7 См.: Замятин Д.Н. Стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // Вестник исторической географии № 2. — Москва—Смоленск: Ойкумена, 2001. С. 4–15; он же. Феноменология... — С. 264–265, 267–268.

сия — Италия»⁸. Технологии моделирования подобных трансграничных географических образов, по-видимому, являются одним из наиболее сложных вариантов концептуального образно-географического моделирования, однако целенаправленный перевод образа путешествия на метауровень позволяет максимально учесть естественную пространственную динамику самих географических образов.

Путешествие как стиль, как элемент образа жизни, конечно, сильно способствовало созданию ярких и богатых страновых образов, но оно же часто и закрепляло и развивало ведущие стереотипы в восприятии той или иной страны. Идеальное путешествие оперирует лишь несколькими «обкатанными» и достаточно надежными, заранее подготовленными географическими образами, дальнейшее — это уже личный стиль путешественника. Географический образ страны может «формоваться» из заведомых стереотипов и даже парагеографических элементов (например, путешествие в России первой половины XIX века — чаепитие, трактир, крепостной крестьянин), но его единство и действенность могут иметь именно иностранное происхождение.

Путешествия и литература

Посредством путешествия география как бы видит сама себя, описывает самое себя. Иначе говоря, это письмо в движении. Путешествия порождают особенно интересные географические образы — стран, городов, местностей — которые проникают в литературу, изменяя ее. В то же время литература создает самостоятельные жанры и каноны, в рамках которых осознаются географические образы путешествий.

Реальные местности и страны могут путаться и перемешиваться с вымышленными, а пространство и путь часто являются самостоятельными героями, определяющими сюжеты. Путешествие само по себе, как образ-архетип, оказалось полностью внутри литературы, стало основой почти всех возможных литературных жанров.

Так, например, мы видим два важных типа географических путешествий в русской литературе по их значению для самой литературы — это 1) сюжетный тип, меняющий структуру классических литературных форм, и 2) жанровый (или установочный) тип, меняющий мировоззренческую структуру самой литературы.

Впустив внутрь себя географические образы путешествий, русская литература не могла не измениться. После Хлебникова, Мандельштама, Платонова, географические образы стали естественным литературным средством и способом выражения своего отношения к миру. Путешествие одновременно стало удобным литературным приемом и очень мощной литературной метафорой. Книги Петра Вайля и Александра Гениса, Василия Аксенова, Андрея Битова и Виктора Пелевина подтверждают это. Реальные местности и страны могут путаться и перемешиваться с вымышленными, а пространство и путь часто являются самостоятельными героями, определяющими сюжеты. Путешествие само по себе, как образ-архетип, оказалось полностью внутри литературы, стало основой почти всех возможных литературных жанров.

Паломничество как тип путешествия

Суть и сам ход паломничества, его маршрут в рамках обычных и сакральных координат

⁸ См. например: Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Риме. М.: Издательство Независимая газета, 2001; он же. Знаменитые русские о Флоренции. — М.: Издательство Независимая газета, 2001.

КАФЕДРА

нат рассматривается в рамках имагинальной географии как необычное путешествие, как путешествие, выходящее за пределы обычного или преобладающего образа его понимания — как путешествие, меняющее, пересматривающее, трансформирующее по ходу сами образы пространства, в которых и которыми движется, перемещается паломник⁹. Иначе говоря, сакральное место, к которому путешествует паломник в обычных географических координатах, требует для его истинного/сакрального достижения/постижения построения по ходу паломничества соответствующего экзистенциального пространства, соответствующих сакрально-географических образов — без них простое физическое прибытие в определенную топографическую точку, символизирующую сакральное место, означает явную неудачу паломничества, его религиозную несостоятельность для неудавшегося паломника. Экзистенциальная энергетика определённого паломничества в имагинально-географическом дискурсе есть устойчивое порождение специфических географических образов, впитывающих и одновременно репрезентирующих базовые ценности и догматы данной религии.

Суть всякого экзистенциального пространства заключается в формировании взаимосвязанных образов, позволяющих создавать долговременные и устойчивые жизненные стратегии — личные или групповые. Наряду с этим, экзистенциальное пространство способствует расширению образных возможностей какой-либо личности, социокультурной группы или сообщества. В самом понятии и образе экзистенциального пространства заложен потенциал саморазвития¹⁰; в ходе такого саморазвития экзистенциальное пространство может структурироваться, самоорганизоваться с помощью своего рода «реперных точек» — образных локусов, часть которых, несомненно, может носить сакральный характер.

Географическое пространство по своему происхождению, очевидно, гетерогенно: понимаемое образно, оно содержит и поддерживает собственные экзистенциальные проекции — прежде всего, в форме сакральных мест, мест паломничества, различных локусов, обладающих той или иной аксиологической ценностью или же аксиологической оценкой. Исходя из этого, можно говорить об особом типе или классе географических образов — экзистенциально-географических. Под экзистенциально-географическими образами здесь понимается система взаимосвязанных знаков, символов, архетипов, стереотипов, характеризующих определённую территорию с точки зрения жизненных смыслов и жизненных стратегий, возможных для их репрезентаций, интерпретаций и практических реализаций.

В ходе любого паломничества происходит очевидное расширение уже существующих экзистенциальных пространств и формирование новых, иногда спонтанных и неожиданных экзистенциальных пространств, чьё возникновение не предполагалось при подготовке самого паломничества. Именно невозможность всеобъемлющего рационального планирования и прогнозирования возникновения экзистенциальных пространств в процессе паломничества позволяет говорить о некоей феноменальной справедливости чудес и чудесности отдельных сакральных мест и локусов, поскольку чудеса и чудесное онтологически воображаются как всегда неожиданное, не предполагаемое, изначально даже как невозможное. Исходя из этого, экзистенциально-географические образы паломничества, исследуемого с феноменологических позиций, включают в себя как неотъемлемую часть области неизведанного, неизвестного

9 См. также: Замятин Д.Н. Географические образы путешествий // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. — М.: Институт наследия, 2004. — С. 12–41.

10 Ср.: Бубнова А.Р. Самоорганизация традиционного этнокультурного ландшафта Среднего Поволжья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. — М.: Институт географии РАН, 2007.

пространства, постоянно отодвигающегося, передвигающегося по ходу путешествия в сферу подсознания или бессознательного¹¹.

С феноменологической точки зрения паломничество является одной из важнейших социокультурных пространственных трансакций: преодоление, прохождение определённого пространства, сакральный путь сам по себе, достижение желаемого сакрального локуса выступают, как правило, экзистенциальным, жизненно необходимым эквивалентом нерационализуемой, как бы не видимой и не осознаваемой прямо части душевных состояний и событий, которые подобным способом, с помощью осуществлённого в реальности паломничества, приобретают свой «законный», как бы официально признанный психологический и/или экзистенциальный статус. Здесь мы сталкиваемся со своего рода геономикой паломничества, когда различные чудеса, видения, случающиеся в ходе паломничества, а также сами описания сакральных мест, выполненные паломниками и заранее предполагающие экзистенциальные переживания, связанные с религиозными событиями и символами, способствуют созданию экзистенциально-географических образов-трансакций, подтверждающих и одновременно полагающих в некие феноменологически осмысляемые области будущего краеугольные и фактически «бесценные» (то есть не имеющие какой-либо традиционной, профанной аксиологической нагрузки) индивидуально-личностные смыслы, воображаемые в рамках религиозных переживаний как вечные. Визионерство и визионеры, часто присутствующие и участвующие в традиционных паломничествах, являют эти вечные смыслы в формах конкретной топологической сакральности, непосредственных сакральных событий, происходящих «здесь и сейчас» и тем самым прямо апеллирующих к экзистенциальным пространствам неизведанного и неизвестного — религиозные переживания визионеров-паломников представляют собой целенаправленные экзистенциально-пространственные трансакции, утверждающие и закрепляющие неявное до того единство традиционных и экзистенциальных характеристик проживаемого и переживаемого пространства.

Экзистенциально-географические образы, формирующиеся в ходе паломничества, структурируются, как правило, с помощью знаковых мест, частью которых могут быть уже хорошо известные традиционные сакральные локусы¹². Знаковыми местами другого типа являются локусы, чьё экзистенциальное значение не предполагалось при планировании маршрута паломничества. Эти локусы — назовём их пока мифическими — обнаруживаются паломником или паломническим сообществом как бы внезапно, иногда путём своего рода озарения, ментально-образной «вспышки», а иногда, возможно, с помощью ментально-логических конструкций и реконструкций, призванных как бы насытить, уплотнить, уменьшить сакрально-мифологическую «пустоту» пространственных промежутков между традиционными и хорошо воспроизводимыми в коллективной культурной памяти сакральными локусами.

Здесь стоит обратить внимание на то, что понятие и образ паломничества в рамках геономического/образно-географического подхода могут интерпретироваться гораздо шире, нежели в традиционных исследовательских (исторических, философских, психологических, теологических) подходах. Так, с нашей точки зрения, паломничеством может считаться не только

11 См.: напр.: Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. — М., Ньютонвилль: Археографический Центр, 1993; также о т.н. «хазарской границе»: Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. — СПб.: Алетейя, 2003. — С. 268–270.

12 См.: Теребихин Н.М. Указ. соч.; Бубнова А.Р. Указ. соч.; Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. — М.: Институт наследия, 2005. — С. 276–323.

КАФЕДРА

путешествие, связанное с теми или иными религиозными установками, целями и практиками, но и любое путешествие, ориентированное экзистенциально-географически, на достижение не только уже известных сакральных локусов — причём локусов не обязательно религиозного происхождения; это могут быть места рождения и жизни каких-либо выдающихся личностей, места важнейших исторических событий или загадочных явлений, условные пространства действия тех или иных литературных произведений, и т.д.¹³. Следует отметить, что в нашем толковании образ паломничества изначально, генетически опирается на безусловную ментальную возможность путешественника/путешествующего/паломника расширять первоначально предполагавшееся экзистенциальное пространство паломничества за счёт конструирования новых знаковых мест; иначе говоря, паломничество — это путешествие, самовоспроизводящее сакральные и мифические пространства, места и ландшафты; путешествие, как бы обеспечивающее само по себе возможности новых, ранее неизвестных и неведомых паломнику путешествий; своего рода — метапутешествие, в котором традиционное географическое пространство уже заранее ставится в контекст экзистенциальных пространств и экзистенциально-географических образов.

Как же происходит сотворение, формирование, создание новых сакральных локусов и конструирование, ментальное построение всё новых и новых экзистенциально-географических образов, постоянно меняющихся и перестраивающих образно-географическую карту в ходе паломничества? По всей видимости, один из главных когнитивных ресурсов конструирования новых экзистенциально-географических образов — это наложение важнейших топосов внутренних, ментальных пространств¹⁴ паломников на конкретный географический маршрут самого паломничества. Нельзя сказать, что подобные процессы происходят как бы по наитию, абсолютно интуитивно, исключительно благодаря душевным/духовным индивидуальным и групповым озарениям и видениям или, наоборот, чисто автоматически, исходя из неких чётких логических критериев (например, условное внешнее ландшафтно-географическое сходство внутреннего мнемотопа паломника/группы паломников с реальным, действительным местом, которое он проходит).

Можно предполагать, что определённый промежуточный метальный продукт, своего рода образно-географическая «куколка», из которой немного позднее получается экзистенциально-географический «образ-бабочка» — это локальный миф, локальная «обосновывающая история», позволяющая по-настоящему понять, почему паломник оказался именно в этом месте, и что ему здесь нужно¹⁵. Локальные мифы как бы поддерживают общее сакрально-

13 См.: напр.: Замятин Д.Н. Первый проект «Путевого журнала» (июль 2000) // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. — М.: Институт наследия, 2004. — С. 419–423; Он же. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. — М.: Аграф, 2004. — С. 222–236, 288–313. Ср. также классические варианты духовного паломничества европейского интеллектуала/художника/писателя на Восток или в регион, обладающий восточными «маркерами» — например, Андрея Белого в Северную Африку или Германа Гессе.

14 Ср. трактовку понятия ментального пространства в духе глубинной психологии К. Юнга: Резник С. Ментальное пространство. — Киев: УАП-МИГП, 2004.

15 См. также: Митин И.И. На пути к мифогеографии России: «игры с пространством» // Вестник Евразии. 2004. №3. — С. 140–161; Он же. Пространство и мифогеография // Пространство и время: физическое, психологическое, мифологическое. — М.: Новый Акрополь, 2005. — С. 119–128. Он же. Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места // Гуманитарная география. Вып. 3. — М.: Институт Наследия, 2006. — С. 64–82.

географическое пространство паломника и паломничества, они — «несущие конструкции» в постоянно меняющемся облике строящегося и перестраивающегося на ходу «здания» — системы экзистенциально-географических образов, две основные психологические функции которых состоят в поддержании душевного/духовного равновесия паломника в ходе достижения святыни и «вписывании» заранее ожидаемых сакральных переживаний по достижению сакральной цели в уже готовые ментальные «ячейки», фреймы расширенного экзистенциально-географического пространства. Закономерности и особенности формирования локальных мифов, в том числе в процессе паломничества, требуют отдельного подробного исследования, однако в плане феноменологической аксиоматики совершенно ясно, что сакральные когнитивно-географические контексты¹⁶ паломничества как бы диктуют выстраивание творимых паломником локальных мифов в единую нарративную «цепочку», в которой типологически (в содержательном и сюжетном отношениях) мифы вряд ли будут сильно отличаться друг от друга, а, с другой стороны, каждый последующий локальный миф может быть как бы усиленной версией предыдущего мифа, интенсифицируя тем самым творимое экзистенциально-географическое пространство и, в то же время, нагнетая своего рода сакральный «саспенс» в преддверии главного чуда, чаемой паломником святыни.

Понятно, что практически всякий локальный миф в разворачивании своего сюжета опирается на конкретные топонимы и географические реалии, могущие в то же время быть вполне «туманными» и «мало реальными»¹⁷. Тем не менее, такая топонимическая установка в мифологическом действии и действовании является очень важной, поскольку именно она, в конце концов, обеспечивает нахождение некоего вполне реального места, территории, «ответственной» за поддержание данного мифа (см. подробную библиографию вопроса Замятин, 2009)¹⁸. Но что происходит дальше? Пытаясь обойти чисто социологические объяснения, попробуем проследить условный онтологический «механизм» глубинной локализации мифа.

Территории, места не существует без поддерживающего и «объясняющего» его существования мифа или совокупности, системы мифов. Иначе говоря, именно географическое воображение, взятое в его феноменологически-нарративном контексте, обеспечивает в итоге

16 См.: Замятина Н.Ю. Локализация идеологии в пространстве (американский фронт и пространство в романе А. Платонова «Чевенгур» // Полюса и центры роста в региональном развитии. — М.: ИГ РАН, 1998. — С. 190–194; Она же. Когнитивные пространственные сочетания как предмет географических исследований // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. №5. С. 32–37.

17 Ср.: Bishop P. Residence on Earth: anima mundi and a sense of geographical 'belonging' // *Ecumene. A journal of environment, culture, meaning*. 1994. Vol. 1. # 1. P. 51–65.

18 Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской картине мира. Исследования по структуре текста. — М.: Изд-во «Индрик», 1999; Она же. «Рассказали страшное, дали точный адрес...» (к мифологической топографии Москвы) // Лотмановский сборник. Т. 2 / Сост. Е.В. Пермяков. М.: Изд-во РГГУ, изд-во «ИЦ-Гарант», 1997. — С. 599–615; Она же. Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. — М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001; Русская провинция: миф—текст—реальность / Сост. А.Ф. Белоусов и Т.В. Цивьян. — М., СПб.: Лань, 2000; Петровский М. Мастер и Город: Киевские контексты Михаила Булгакова. Изд. 2-е, расшир. и доп. — М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008; Подюков И.А. Современное городское топонимическое творчество // Современный городской фольклор. — М.: Изд-во РГГУ, 2003. — С. 460–477; Клубков П.А., Лурье В.Ф. Разговорные топонимы как явление фольклора // Там же. С. 450–460; Дубровина С.Ю. Микротопонимика Тамбова // Там же. С. 477–487 и др. Крайне важен в данном контексте опыт таких русских писателей, как Александр Чаянов и Михаил Булгаков (Булгаков многим в образном локально-мифологическом отношении обязан именно Чаянову, который, пожалуй, первым сумел в своих московских повестях художественно выразить «дух места» с помощью стилизованных «под XVIII век» страшных историй).

КАФЕДРА

реальную географию и топографию региона¹⁹. Можно при этом довольствоваться довольно простой локально-мифологической «формулой», утверждая, что место плюс (мифологическое) событие есть со-бытие места. Здесь могут быть введены условные когнитивные поправки на мифологичность или легендарность самого события, не подтверждаемого строгими историческими фактами (или, наоборот, хорошо подтверждаемого), однако не эти поправки определяют, по сути, действительность локальных мифов.

Локальный миф, с нашей точки зрения, представляет собой «откровение» места или территории; он есть открытие места миру в его онтологической возможности, и в то же время (или в той же самой вечности) он позволяет утверждаться «своему» месту как Центру мира²⁰. Такое локально-мифологическое «центрирование» мест происходит постоянно, порождая при этом совершенно различные социокультурные, политические, экономические последствия и проекции, включая, несомненно, и хорошо известные историкам, филологам и географам «сниженные» краеведческие версии подобных «центрирований»²¹. Но, так или иначе, локальный миф означает своего рода двойное онтологическое послание, предполагающее «разрыв» казавшегося до того однородным, бесконечно протяженным и однообразным пространством, чьи «складки» или «края» загибаются одновременно и вовнутрь, и вовне — место открывается местному сообществу или какой-то его части как феноменологическая «возвышенность», как непреходящая внутренняя «достопримечательность», определяющая ядерные экзистенциальные смыслы; и место «отпечатывает» или «запечатывает» себя в мире, осознающем свою собственную онтологическую неполноту, пространственную фрагментарность в акте и актом подобного ментального «запечатывания». Нетрудно понять также, что этот мир, отмечаемый непрерывными и параллельными «отпечатками» бесчисленных мест, становится в своём непреходящем и постоянно отодвигаемом результате центром самого себя, центром любого транслокального сообщества, усваивающего и присваивающего очередной, может быть, поначалу чуждый локальный миф²². Итак, посредством онтологизации локальных мифов практически любое место или регион становятся источниками телеологической, по сути, образно-географической «иррадиации»; такая «иррадиация» ведёт к транслокализации, пространственному «рассеиванию» самих локальных мифов, способствующих ускоренной динамике и непредвиденным трансформациям географических образов региона²³.

19 Ср.: Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993; Он же. Метафизика Севера. — Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004; Рахматуллин Р. Две Москвы...

20 Об архаических и ранне-модерных основаниях сакрально-географического центрирования мира, сопровождаемого соответствующими локальными мифами, см.: Генон Р. Избранные сочинения: Царство количества и знаменья времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. — М.: «Беловодье», 2003. С. 32–39, 135–145; Он же. Символика креста. — М.: Прогресс-Традиция, 2004.

21 См. также многочисленные паранаучные исследования, тексты и книги, посвященные сакральным местам, уфологии и современным мифам различных регионов России; в качестве примера: Павлович И., Ратник О. Миражи над Жигулями (Современные мифы Поволжья: загадки, поиски, гипотезы). Самара: Изд-во «НТЦ», 2002; Гаврилов Л.Г., Чернобров В.А., Климов В.А. Подмосковье: Феномены, аномалии, чудеса. Путеводитель. — М.: Майор, 2008; в более широком контексте: Чернобров В.А. Энциклопедия загадочных мест мира. — М.: Вече, 2005.

22 Ср.: Замятин Д.Н. Пространство как образ и трансакция: к становлению геонимики // Общественные науки и современность. 2008. № 2. — С. 129–143.

23 Весьма характерно и очень интересно в данной связи современное развитие локальных мифологий на Урале, прежде всего в художественной литературе и эссеистике (здесь в начале XXI века были наиболее известны произведения Алексея Иванова и Ольги Славниковой); см. также: Литовская М.А. Проблема формирования региональной мифологии: проект П.П. Бажова // Михаил Осоргин: Художник и журналист. — Пермь: Мобиле, 2006. — С. 188–197; Абашев В.В. «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила...»:

Локальный миф, представленный как онтологическое «откровение места», становится тем самым ахроничным и гетеротопичным²⁴. В когнитивно-историческом плане подобный миф может фактически бесконечно распространяться как «вглубь» исторического времени, так и за его пределы, что означает не только всемерное проникновение в условное историческое будущее территории, но и выход в широкое метагеографическое пространство, онтология которого предполагает и полагает «перетекание», замещение, преобразование одного места другим как необходимое условие метагеографической экспансии. Иными словами, локальный миф становится средством представить всякое место как Другое; в то же время (если можно говорить о времени локального мифа) любой локальный миф не может существовать, развиваться, функционировать без альтернативных для этого конкретного места других локальных мифов, «обрамляющих» территорию как поле противоречивых, расходящихся и несовпадающих — содержательно и хронологически — нарративов.

Образно-географическое содержание паломничества

Образно-географическое содержание паломничества возникает, формируется в неразрывной связи с самими целями паломничества, будь то индивидуальное решение об искуплении грехов, простое желание увидеть святыню и помолиться в сакральном месте, или же форма наказания для преступника, осуждённого автохтонным социальным сообществом не только в контексте профанных обстоятельств совершённого преступления, но и в плане религиозной кары и религиозного наказания²⁵. Но, опять-таки расширяя понятие и образ паломничества, можно говорить о том, что паломничество само по себе предполагает некое условное «лечение пространством» — лечение в первую очередь, конечно, «души», однако, и человека в целом — в его нерасторжимом уникальном душевно-телесном единстве. В такой феноменологической ситуации проходимое и переживаемое паломником пространство становится тотально религиозным, тотально сакральным, при этом «сплошность», тотальность подобной сакральности проявляется посредством аффектации пространства паломничества²⁶, порождением и

геопозитика как основа геополитики // Там же. С. 197–208; Куличкина Г.В. Пермь как миф и факт: по страницам мемуарной прозы М. Осоргина // Там же. С. 113–125; Литовская М.А. Литературная борьба за определение статуса территории: Ольга Славникова – Алексей Иванов // Литература Урала: история и современность. Вып. 2. — Екатеринбург: УрО РАН; Изд. Дом «Союз писателей» 2006. С. 66–76; Подлесных А.С. Кама в художественном пространстве романа А. Иванова «Чердынъ — княгиня гор» // Там же. С. 76–81; Соболева Е.Г. Формирование мифа «Екатеринбург — третья столица» в текстах СМИ // Там же. С. 95–103; Николаева Н.Г. «Земля Обетованная» — мифопоэтический образ Оренбургской губернии в «семейной хронике» С.Т. Аксакова // Там же. — С. 236–244; Митрофанова Л.М. Башкирский образ мира в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность. Вып. 3. Том 2. — Екатеринбург: УрО РАН; Изд. Дом «Союз писателей» 2007. — С. 217–227; Абашев В.В. Урал в романе «Доктор Живаго», или Где находится Юртин? // Там же. С. 242–250 и др.

24 О гетеротопиях см.: Фуко М. Другие пространства // Он же. Интеллектуалы и власть. Часть 3. Статьи и интервью. 1970–1984. — М.: Праксис, 2006. — С. 191–205; Филиппов А.Ф. Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). — С. 48–63; Вахштайн В.С. Темпоральные механизмы социальной организации пространства. Анализ резидентальной дифференциации // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2; Замятин Д.Н. Гетеротопия. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 5. — М.: Институт наследия (в печати).

25 См., например: Корандей Ф.С. Паломничества в раннесредневековой ирландской традиции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Тюмень: ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет», 2005.

26 Ср.: Подорога В. А. Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии. — М.: Ad Marginem, 1995.

КАФЕДРА

развитием аффективных по сути географических образов, чья экзистенция, способность поддерживать и увеличивать жизненную энергию паломника передается с помощью резких ментальных «вспышек», яркого в психологическом плане членения пути на отдельные отрезки, роли которых в жизненной траектории паломника существенно различаются²⁷.

Возвращаясь к проблематике знаковых мест в контексте феномена паломничества, стоит сразу же заметить, что сама знаковость этих мест, чей сакральный статус может либо просто подтверждаться в момент прибытия в него, либо постепенно наращиваться, приобретаться в процессе душевно-телесной аффектации паломника, прибывшего в дотоле неизвестное или мало известное ему место, — становится образно-географическим признаком практически необратимых трансформаций экзистенциального пространства паломника/паломников, формирующегося и развивающегося во многом чисто телеологически. Иными словами, структура знакового места в паломничестве, будь то место известного сакрального события, место какого-либо известного сакрального/религиозного сооружения, (церковь, собор, храм, монастырь, часовня) включая в широком смысле также культовые места, наконец, место, принимающее и раскрывающее, развёртывающее потенциальные экзистенциально-географические образы, присутствующие на уровнях сознания, подсознания и бессознательного стремящегося к конечной цели паломника — эта структура, так или иначе, ориентирована на выявление сокровенных смыслов будущего, являемых или являющихся паломнику в виде конкретных ландшафтных образов и символов²⁸. Именно поэтому любое знаковое место паломника и в паломничестве как феномене может рассматриваться как некий выход, условная дверь из традиционного географического пространства, своего рода внешней, формальной «арены» в пространство «внутреннее», которое в то же время представляется, фиксируется в паломническом сознании несравнимо более «широким», более многомерным в образно-символическом отношении, нежели профанные, вполне светские проекции того же географического пространства.

Паломничество и экзистенциальные пространства

Удача всякого паломничества может быть связана, как это ни странно, с наличием жизнеспособного, экзистенциально-профанного пространства. Начиная свой путь, паломник выходит из профанного места, он уносит «с собой» профанное пространство, имеющее для него экзистенциальный смысл. Иными словами, существование и развитие сакрального и экзистенциального пространства паломничества не возможно без начального «отталкивания» от обычных личностных географических образов, становящихся — если это, опять-таки, удаётся паломнику в ходе его путешествия — основой для разворачивания «широких» экзистенциально-географических образов, как бы подключающих путешественника к Небу, к другим пространствам, в которых его жизненные смыслы могут обрести новые метафизические контексты и коннотации.

Паломничество как таковое в экзистенциально-пространственном срезе предстаёт попыткой перехода во внутренние пространства, в качестве когнитивного фундамента которой выступают внешне вполне прозаичные географические места и территории. И здесь ключе-

27 Ср.: Гуссерль Э. Собр. соч. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. — М.: Гнозис, 1994, особенно с. 81–84.

28 См.: Бубнова А. Самоорганизация традиционного этнокультурного ландшафта Среднего Поволжья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. — М.: Институт географии РАН, 2007.

вой проблемой феномена паломничества является характер соединения, характер перехода, или переключения обычных, «допаломнических» образов проходимых в путешествии мест во внутренние пространства самого паломника, где эти места становятся «другими», приобретая конкретные экзистенциально-географические координаты. Неудача такого перехода тоже может быть экзистенциальной, однако одновременно это может означать и крах всех экзистенциальных смыслов личностного существования, и «сворачивание» собственно профанного пространства обыденной жизни, также теряющего всякий смысл.

С образно-географической точки зрения феномен паломничества замечателен возможностью увидеть, почувствовать и оценить символическую значимость и непреходящую личностную ценность экзистенциальных пространств, радикально изменяющих и трансформирующих любые изначальные географические образы. При этом важно понять, что определённые экзистенциальные пространства являются попросту метагеографическим «бумерангом», возвращающим человеку в новом — иногда в радостном, а иногда и в трагическом — обличье его собственный пространственный опыт, никуда не исчезающий, но постоянно оформляющий бытие человека на земле — ибо всякое земное бытие есть бытие-на-земле и бытие-землём. Роль и значение экзистенциальных пространств состоит в периодическом возвращении человеку его собственной земли, путём «расширения» его пространственного опыта, дистанцирующегося от непосредственной пространственно-временной последовательности обыденных ландшафтов и вовлекающего человека и его географические образы в экзистенциальное «общение» с Небом (мыслимым как пространство вне всякой возможной экзистенции, однако являющимся условием существования и развития любого экзистенциального пространства).

Путешествия: реальность и образ. Вместо заключения

Путешествия могут радикально менять картины мирового развития. Устойчивые географические пред-образы региона/страны (до путешествия) недостаточны для новой образной информации, воспринимаемой и получаемой во время путешествия. Многочисленные и фрагментарные новые географические образы как бы налезают друг на друга, «громоздятся», формируя последовательно новые образно-географические поля. Обычные стереотипы (о стране, народе, его обычаях и традициях, политическом и экономическом развитии) рушатся. Возникает своего рода «анфилада» проходных комнат со сквозной перспективой, не возможной до путешествия. Контрастность картины мирового развития резко увеличивается. Путешествие — это ряд образно-географических «точечных вспышек», приводящих к развалу попыток постоянно продуцировать новые единые картины мира.

В географических образах путешествий связываются путь и шествие — путь становится более торжественным, он освящается, сакрализуется. Происходит возвышение самих образов, они воспринимаются как метафизические и метагеографические. Пространство в процессе его сакрализации максимально уплотняется. Путь превращается постепенно в шествие, происходит замедление и фиксация отдельных движений. Образы смотрят как бы сами на себя, саморефлексия путешественника обретает плоть и кровь. Наконец, возможна остановка, и далее — рождение нового места, плацдарма для последующего нового путешествия. Так географические образы путешествий включаются в процедуры топообразности и геотопики, прорисовки все новых и новых карт географических образов.

Путешествия — идеальный случай, когда реальность сразу может репрезентироваться и интерпретироваться как образ. Путешественник движется в своего рода «диком простран-

КАФЕДРА

стве», wild space; «обнаженное» восприятие путешественника вынуждено сразу проводить ак-
культурацию преодолеваемого географического пространства.

